

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ІЮНЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

---

# НАШИ ДѢЛА

въ

## ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

---

Замѣтки по средне-азиатскому вопросу. Съ приложеніями и картою Туркестанскаго генераль-губернаторства. Д. И. Романовскаго. Спб. 1868.

---

### I.

Внесеніе европейской цивилизаціи въ Азію—вотъ великая историческая задача, выпадающая на долю двухъ великихъ державъ: Англіи и Россіи. Въ этомъ общемъ назначеніи между ними та разница, которая обуславливается различіемъ въ ихъ географическомъ положеніи. Роль Англіи, по необходимости ограничена, между тѣмъ какъ — Россія на Востокъ не поставлено географическими условіями никакихъ непреодолимыхъ предѣловъ. Правда, Англія можетъ охватывать своими торговыми сношеніями всю Азію, въ томъ числѣ такіа отдаленныя страны, съ которыми мы въ настоящее время не можемъ имѣть никакого сообщенія. Англія можетъ открыть для своей торговли всѣ порты восточнаго берега Азіи и устроить его своими факториями. Но эти одни торговые сношенія не могутъ создать твердой почвы, для цивилизованія полуварварской страны. Цивилизованіе, если оно не является плодомъ самостоятельнаго внутренняго усилія, чему во всей исторіи есть только одинъ великій примѣръ, совершается не иначе, какъ путемъ завоеванія. Такъ проникла первая образованность въ Испанію, Галлію, Британію, Америку и т. д.

Вмѣсто того, чтобы брать отдѣльные примѣры, достаточно сказать,

что этимъ путемъ, путемъ завоеванія — распространилась со своими цивилизаторскими началами та арійская раса, которая теперь, въ лицѣ англичанъ и русскихъ, возвратилась, опять съ оружіемъ въ рукѣ, къ самой своей колыбели, къ возвышенной плоскости центральной Азии, къ хребтамъ Гинду-Ко и Гималаю. И вотъ, передъ этой забытой, заросшей дикостью колыбелью стоятъ новыя, вооруженные представители просвѣтительной расы, и имъ-то и предстоитъ роль различная: пришедшіе съ юга остановились передъ предѣлами, дальше которыхъ они идти не могутъ; пришедшіе съ сѣвера сознаютъ, что они еще только *начинаютъ* свое дѣло; въ сознаніи своей силы, понимая истиннымъ неизбѣжное будущее, они увлекаются отъ одного завоеванія къ другому, даже безъ заранѣе опредѣленнаго намѣренія. Ихъ гонить впередъ историческая необходимость.

Для обезпеченія границъ, для защиты своихъ данниковъ, въ степяхъ Туркестана, Россія сперва разставила укрѣпленные посты на этихъ границахъ, потомъ, для защиты этихъ постовъ, соединила двѣ линіи ихъ на пространствѣ болѣе 1,000 верстъ, потомъ, для обезпеченія этихъ соединенныхъ линій, овладѣла гнѣздами разбойничества и фанатизма, лежавшими къ югу, уже въ сторонѣ отъ этихъ линій; затѣмъ, пришла въ такое близкое сосѣдство съ самыми столицами двухъ средне-азиатскихъ ханствъ, что вопросъ о паденіи ихъ самихъ представляется уже только вопросомъ времени. Къ этому результату ведетъ все: и необходимость наказывать хищниковъ за набѣги, и невозможность отнынѣ не вмѣшиваться въ раздоры между ханствами и даже въ междоусобицы въ каждомъ изъ нихъ, и наконецъ, естественное желаніе вознаградить себя обладаніемъ плодороднѣйшими, даже богатыми землями, за устройство дорого-стоющей военной и административной машины, дѣйствующей на 3,000-верстномъ разстояніи.

Повторимъ сказанное сейчасъ на языкѣ фактическомъ: взятіемъ Ходжента, мы, отрѣзавъ Коканъ отъ Бухары и лишивъ Коканъ, на дѣлѣ, самостоятельности, обязались защищать его на будущее время и поддерживать тамъ доброжелательное намъ правительство; сверхъ того, чтобы вполне владѣть правымъ берегомъ Сыръ-Дарьи, мы по необходимости должны будемъ взять Наманганъ, стоящій на ея верховьяхъ, какъ то уже и предполагалось. Взятіемъ Джозака, мы стали у входа въ бухарское ханство, и Бухара никогда не примирится съ этимъ фактомъ. Наѣзды и разбои Садыка, между Джозакомъ и Чиназомъ, были не что иное, какъ нормальное явленіе нашего будущаго положенія на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. И теперь уже, по извѣстію офиціального органа военнаго министерства <sup>1)</sup>, сдѣлано распоряженіе о содержаніи сторожевого отряда на лѣвомъ берегу. По

<sup>1)</sup> «Русск. Инв.», 9 января, 1868 г.

мало того: владѣя Джюзакомъ, въ который все нужно доставлять болѣе чѣмъ изъ-за 100 верстъ, по голодной степи, и имѣя передъ собою плодороднѣйшія земли Бухары, долго ли можно удержаться отъ вступленія туда? Вѣдь Самаркандъ гораздо ближе отъ Джюзака, чѣмъ Ташкентъ. Да если бы мы имѣли столько твердости духа и настойчивости въ рѣшеніяхъ (чему исторія послѣднихъ четырехъ лѣтъ въ Туркестанѣ прямо противорѣчитъ), чтобы долго удерживаться отъ такого соблазна, то онъ самъ придетъ къ намъ, навязетъ намъ въ видѣ неизбѣжной необходимости; пусть только эмиръ бухарскій предприметъ серьезное нападеніе на передовую нашу линію или на Коканъ, пусть въ Бухарѣ произойдетъ междоусобица и одна партія позоветъ насъ (а партія мирная, торговая легко можетъ сдѣлать это;— вѣдь имѣли же мы, по показанію генерала Черняева <sup>1)</sup>, въ Ташкентѣ сильную партію, до вступленія туда), пусть къ намъ изъ Самарканда явится такая депутація, какая уже однажды являлась изъ Шахр-Забле — и вотъ, мы принуждены будемъ вступить въ бухарское ханство. И мы непремѣнно это сдѣлаемъ, потому что иначе уронимъ свое значеніе. Но если мы овладѣемъ Бухарою, то это уже будетъ значить, что завоеваніе наше не ограничилось бассейномъ Сыра, а перешло въ бассейнъ древняго Окса, Аму-Дарьи.

Вступивъ въ этотъ бассейнъ, мы не можемъ оставить самостоятельную Хиву, которая стоитъ близъ низовья этой рѣки. Да съ Хивою мы во всякомъ случаѣ не долго останемся безъ столкновеній, не смотря на дѣйствительно - опасную разорительность предпріятій противъ нея. Уже въ концѣ прошлаго года, по извѣстіямъ изъ Ташкента <sup>2)</sup>, хивинскій ханъ заключилъ союзъ съ туркменами и сталъ строить укрѣпленіе на нашей границѣ. Но какъ бы то ни было, столкновеніе съ Хивою сдѣлается неизбѣжно и въ томъ случаѣ, когда захотятъ обезпечить наши средне - азіатскія приобрѣтенія сообщеніемъ съ Кавказомъ чрезъ Усть - Уртъ, сообщеніемъ, которое представило бы возможность легко отдѣлать изъ другихъ войскъ подкрѣпленія для ташкентскаго района и доставлять ихъ по назначенію гораздо скорѣе, чѣмъ это возможно при нынѣшнемъ пути, изъ Оренбурга.

Поле нашихъ дѣйствій въ средней Азіи трудно ограничить, и въ будущемъ едва ли оно имѣетъ иные предѣлы, какъ предѣлы самого пространства, которое извѣстно подъ названіемъ Средней Азіи. Это громадное пространство состоитъ изъ степей, за которыми намъ представляются три ханства: Коканъ, Бухара и Хива. На этомъ пространствѣ мы видимъ кочевниковъ-киргизовъ, которые постоянно тревожили своихъ однородцевъ, покорныхъ Россіи, и даже въ тѣхъ мѣст-

<sup>1)</sup> Донесеніе отъ 11 мая 1865 г. и др.

<sup>2)</sup> «Московск. Вѣд.», 9 января 1868 г.

постояхъ, которыя считались нашими степями, были подвластны намъ только номинально до тѣхъ поръ, пока мы не выдвинулись въ степь и не обложили свои границы поясомъ укрѣпленій. Въ ханствахъ господствуютъ надъ кочевниками и надъ осѣдлымъ мирнымъ населеніемъ сартовъ — узбеки, народъ монгольскаго племени, сохраняющій преданіе о законной принадлежности ему Средней Азіи, еще до времени Чингисъ-Хана. Съ киргизами постоянно были столкновенія мелкія, какъ съ хищниками; даже возстаніе знаменитаго Кутебара было не что иное, какъ фактъ случайный, временный. Но узбеки, господствуя надъ тремя ханствами, обезпечивали отчасти безнаказанность самихъ киргизовъ укрѣпленіями, которыя составляли оплоты противъ насъ. Въ то же время, они сами притѣснили киргизовъ, заставляя ихъ платить высокую дань и налагали тяжелыя пошліны на торговые караваны.

Узбеки — народъ не только воинственный, но и фанатическій. Въ Средней Азіи нѣсколько религіозныхъ центровъ, городовъ, къ которымъ стремятся богомольцы, и въ этихъ-то центрахъ и гнѣздится туземное населеніе, въ которомъ власть хановъ или эмировъ находитъ свои орудія, подчиняясь сама его фанатизму. Строй этихъ ханствъ — самый грубый изъ азіатскихъ. Войны между ними и «охота на людей» въ степяхъ, для продажи ихъ на невольничьихъ рынкахъ — нормальное положеніе Средней Азіи. Среди хановъ, преобладающее положеніе занимаетъ эмиръ бухарскій, Мозафферъ. Имя его часто упоминается далѣе, а потому познакомимся съ нимъ поближе. Эмиръ Саидъ-Мозафферъ признается главою «вѣрующихъ» въ Средней Азіи и считаетъ себя преемникомъ Тамерлана, непобѣдимымъ завоевателемъ. Въ этой мысли его укрѣпила успѣшная экспедиція въ Кабулъ и въ Коканъ. Равнымъ себѣ владѣтелемъ онъ признаетъ только турецкаго падишаха, которому онъ уступаетъ ту же законную власть надъ Европою, какая ему, эмиру Саиду-Мозафферу, сыну эмира Назръ-Алла, принадлежитъ въ Средней Азіи.

Назръ-Алла, отецъ Мозаффера, произвелъ въ Бухарѣ «реформу», похожую на ту, какая была совершена въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Турціи, надъ янычарами. Онъ истребилъ сипаевъ и ввелъ въ Бухарѣ правленіе, основанное на самомъ суровомъ фанатизмѣ. Слава эмировъ бухарскихъ разносится по Средней Азіи богомольцами. Азретъ (Туркестанъ) и Ташкентъ, города нами взятые, были на Сыръ-Дарьѣ такими же центрами узбекскаго фанатизма, какъ Бухара на верховьяхъ Аму-Дарьи. Ханъ коканскій, Худояръ — лицо довольно жалкое. Низверженный съ престола, онъ бѣжалъ въ Бухару, и былъ восстановленъ Мозафферомъ, что, между прочимъ, подало этому послѣднему поводъ занять Коканъ. Впослѣдствіи, когда владѣнія его были отрѣзаны нами отъ Бухары, взятіемъ Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака,

ханъ Худояръ сталъ всячески увѣрять въ дружбѣ своей къ Россіи и даже просилъ нашего генерала о помощи противъ «непріятелей», разумѣя, конечно, эмира Мозаффера, своего благодѣтеля.

Войскá коканцевъ и бухарцевъ—нестройныя толпы. У бухарскаго эмира есть, правда, регулярныя войскá, но въ чемъ состоитъ ихъ преимущество передъ иррегулярными—отгадать трудно. Вооруженіе у коканцевъ и бухарцевъ имѣется въ изобиліи, при чемъ, конечно, не обходится безъ добрыхъ намъ услугъ со стороны будущихъ нашихъ сосѣдей—англичанъ. Но обращаться съ артиллеріею они не умѣютъ (хотя, впрочемъ, генераль Черняевъ указываетъ на случаи удачнаго дѣйствія коканской артиллеріи).

Вотъ тѣ противники, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло въ Средней Азіи. Понятно, что противники эти не страшны, даже при большемъ неравенствѣ численныхъ силъ. Ясно, что отъ Россіи зависитъ послать въ Среднюю Азію достаточное число войскъ и употребить на нихъ достаточно денегъ, чтобы покорить не только полу-покоренный Коканъ, но и независимую Бухару. Относительно этого послѣдняго владѣнія, можно, правда, принимать въ расчетъ, какое впечатлѣніе занятіе его произвело бы въ Англіи; объ этомъ мы будемъ говорить ниже и покажемъ, что, по всему вѣроятію, англичане не воспротивились бы силою занятію нами Бухары, но для обезпеченія себя, могли бы принять иныя мѣры. Стало бытъ, покорить Коканъ и Бухару—во власти Россіи. Затѣмъ, представляется вопросъ: должна ли Россія желать ихъ покоренія, должно ли оно быть цѣлью ея политики въ Средней Азіи, однимъ словомъ, должна ли она захотѣть того, что приобрести можетъ, если только захочетъ?

Эти земли такъ далеки отъ Россіи, и въ самой Россіи, даже европейской, такія громадныя пространства земель незаселенныхъ, необработанныхъ, что нечего удивляться, если желаніе, которое мы сейчасъ назвали, не проявляется ни въ общественномъ мнѣніи, ни въ заявленіяхъ органовъ правительства. Отвлеченная мысль о «цивилизаторской миссіи» государства, сама по себѣ, неспособна увлечь его; надо еще, чтобы прямыя, осязательныя интересы его совпадали съ сознаниемъ этой миссіи. Но въ политикѣ государства, какъ и въ развитіи его, далеко не все зависитъ отъ сложившейся въ немъ опредѣленной воли. Многое является независимо отъ воли, плодомъ обстоятельствъ, результатомъ прежнихъ, иногда даже ошибочныхъ, дѣйствій.

## II.

Передъ нами лежитъ книга генераль-майора Романовскаго: «Замѣтки по средне-азіятскому вопросу», которая лучше всего, хотя и независимо отъ желанія автора, доказываетъ то, что мы сейчасъ сказали, именно, что опредѣленная мысль не всегда управляетъ событіями, не всегда бываетъ въ состояніи сдержать ихъ въ тѣхъ границахъ, которыя казались сообразными первоначальной цѣли. Генераль Романовскій былъ начальникомъ Туркестанской области, въ 1866 г.; онъ взялъ Ходжентъ и Ура-Тюбе, и теперь, когда управленіе Туркестанскимъ краемъ получило новое образованіе, онъ взялся за перо, чтобы изложить ходъ нашей политики въ Средней Азійи и объяснить свои личныя дѣйствія тамъ. Книга его, носящая скромное названіе замѣтокъ, представляетъ большой интересъ, какъ потому, что она содержитъ разсказъ одного изъ главныхъ, непосредственныхъ дѣятелей, такъ и потому, что въ приложеніяхъ къ ней находятся подлинныя донесенія (изъ которыхъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, въ извлеченіи) начальниковъ, переписка съ ханами, адреса жителей и другіе официальные документы. Авторъ «Замѣтокъ», въ предисловіи, говоритъ: «Въ вопросахъ, столь новыхъ и важныхъ, какъ нашъ средне-азіятскій вопросъ, едва ли найдется на столько самоувѣренный человѣкъ, который серьезно взялся бы предлагать цѣльную, полную систему для всѣхъ дѣйствій, какія намъ предстоятъ еще въ краѣ. Вѣроятно, минетъ не мало времени, пока установится непогрѣшимый, вполне правильный взглядъ на дѣло и выработается стройная, опредѣлительная система. Но несомнѣнно, что то и другое—т. е., и взглядъ и система, получатся тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ болѣе откровенныхъ и основанныхъ на точныхъ данныхъ сужденій по этой части будетъ высказано въ печати». Съ этою цѣлью, генераль Романовскій предпринялъ свой трудъ; и нельзя не быть благодарнымъ ему за это; нельзя также не пожелать, чтобы и другіе дѣятели, участвовавшіе въ развитіи средне-азіятскаго вопроса, выступили съ объясненіемъ своихъ личныхъ распоряженій. Только тогда можетъ вполне примѣняться приводимый авторомъ афоризмъ о происхожденіи истины изъ столкновенія мнѣній.

Замѣтимъ еще, что такіе «Commentarii», гдѣ полководецъ самъ является описателемъ, неизбѣжно получаютъ значеніе полемическое въ обоихъ смыслахъ этого греческаго слова: изъ-за полемарха — военачальника, неизбѣжно выдвигается и полемистъ, защищающій свои личныя дѣйствія, какъ изъ-за автора комментаріевъ De bello gallico, — авторъ другихъ комментаріевъ De bello civili.

Удовлетворительная оцѣнка этой-то послѣдней стороны сочиненія генерала Романовскаго можетъ быть сдѣлана только тогда, когда по-

явятся отзывы другихъ дѣателей на томъ же полѣ. Мы отстранимъ эту сторону на второй планъ, хотя не можемъ скрыть отъ читателей, что въ подлежащей намъ книгѣ она занимаетъ видное мѣсто и, какъ видно, служить одною изъ главныхъ цѣлей.

Настъ болѣе всего занимаетъ въ этомъ сочиненіи та фактическая сторона, которая показываетъ, какъ постепенно видоизмѣнялась программа дѣйствій, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Изъ этого-то изложенія мы и убѣждаемся, что какъ бы умѣренны ни были въ настоящую минуту виды нашей политики по средне-азиатскому вопросу, они не могутъ служить ручательствомъ, что уже въ ближайшемъ будущемъ намъ не придется вступить въ Самаркандъ и Бухару. Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что «современное положеніе cadaго края зависитъ преимущественно отъ самыхъ послѣднихъ событій, отъ самыхъ послѣднихъ дѣйствій». Эта истина особенно примѣняется именно къ такимъ вопросамъ, въ которыхъ «послѣднія дѣйствія» произвели настоящій кризисъ. Съ этой-то точки зрѣнія мы и смотримъ на будущность средне-азиатскаго вопроса. Намъ кажется труднымъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, когда онъ въ концѣ своей книги (стр. 107) говоритъ, что «внимательное обсужденіе cadaго факта даетъ каждому, и не бывшему въ краѣ, возможность вполне убѣдиться, что все совершившееся на нашихъ средне-азиатскихъ границахъ въ послѣдніе годы было *прямымъ послѣдствіемъ* задуманнаго давно» и утвержденного въ 1854 году предпріятія. Съ этимъ согласиться тѣмъ труднѣе, что самъ авторъ черезъ три страницы высказываетъ слѣдующее признаніе: «дѣйствія 1865 и 1866 годовъ не могли, конечно, входить въ правительственную программу». Если самыя важныя дѣйствія, давшія совершенно новую постановку средне-азиатскому вопросу дѣйствія, не входили въ правительственную программу, то можно ли утверждать, что «все совершавшееся было *прямымъ послѣдствіемъ*» программы 1854 года? Мало того. Если непредвидимыя обстоятельства и частный починъ мѣстныхъ начальствъ поставили «послѣдствія» въ прямую противоположность «причинѣ», замѣнили оборонительную программу наступательною, и вмѣсто того, чтобы замѣнить одну линію укрѣпленій, провели отъ нея совершенно новую линію во внутрь страны, къ центрамъ непріятельскихъ населеній, то можно ли утвердить—какъ то говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 114)—что «въ отношеніи средне-азиатскаго вопроса въ настоящее время положено *начало концу*». Это можно разумѣть только именно въ томъ смыслѣ, что положено начало концу существованія независимыхъ средне-азиатскихъ ханствъ. Англичане въ Индіи испытали, какъ трудно положить начало концу въ иномъ смыслѣ, то есть, въ смыслѣ самоограниченія въ завоеваніи. Остъ-индская компанія не была арміею, предводительствуемою вождемъ, въ которомъ не можетъ не говорить

честолюбіе. Это была — компанія торговая, которая не гналась за завоеваніями, изъ-за славы завоеваній. Завоеванія эти падали на нее тяжелымъ бременемъ, но тѣмъ не менѣе они совершались, неодолимо вытекая одно изъ другого. Обзоръ книги генерала Романовскаго покажетъ читателямъ, какъ «начало концу» постепенно переносилось съ Урала и Иртыша на устья Сыръ-Дарьи, потомъ на ея истоки. За тѣмъ, естественно ожидать, что намъ придется искать этого конца на всемъ теченіи Аму-Дарьи, независимо даже отъ общаго убѣжденія, что на «слабыя кости» не слѣдуетъ взыаливать огромнаго тѣла. Такимъ образомъ, сила обстоятельствъ можетъ заставить насъ; выполнить цивилизаторскую миссію въ Средней Азій, независимо отъ нашего желанія.

### III.

Громадная степь Средней Азій способна остановить на своемъ порогѣ самаго пылкаго завоевателя. Государство московское, ниспровергнувъ татарскія царства на восточной своей окраинѣ, присоединивъ къ себѣ Казань, Астрахань и Сибирь, остановилось на порогѣ великой степи. Русская имперія стояла на немъ около вѣка. Въ такъ-называемомъ средне-азіатскомъ вопросѣ, то-есть въ вопросѣ о продолженіи въ степи дѣла, начатаго покореніемъ татарскихъ царствъ Москвою, труднѣе и важнѣе всего былъ первый шагъ: вступленіе въ степь. Движеніе въ степь началось въ двадцатыхъ годахъ. Россія рѣшилась на этотъ шагъ потому, что ея постоянныя границы, ея линіи по Уралу и Иртышу не захватывали и не обороняли всѣхъ племенъ, которыхъ она считала въ своемъ подданствѣ. Надо было или отказаться отъ всякаго покровительства надъ киргизами, или передвинуть передовые посты впередъ, чтобы доставить имъ покровительство дѣйствительное. Быть можетъ, правильный расчетъ средствъ Россіи оправдывалъ бы именно первую политику; но государства до сихъ поръ не привыкли отказываться отъ принадлежащихъ имъ, хотя бы номинальныхъ только, правъ. Первый примѣръ такой здоровой политики представила въ наше время Соединеннымъ-Штатамъ нашихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ. Мы извлекали мало пользы изъ этихъ владѣній. Конечно, пользу можно было предвидѣть въ будущемъ — російско-американскія владѣнія современемъ заселились бы, отмѣна привилегій компаніи позволила бы частной предпримчивости внести туда капиталы и, съ помощью китайскихъ куліевъ и русскихъ переселенцевъ, начать разработку предполагаемыхъ почвенныхъ богатствъ того края.

Но когда все это могло осуществиться? Сколько слѣдовало ждать до того времени, когда частная предпримчивость въ Россіи стала бы довольно сильна и настолько бы утратила уже предметовъ для экс-

платацинъ внутри самой страны, чтобы обратить свои силы на окраину Новаго Свѣта? Почти нѣтъ сомнѣнiя, что до того времени могущественная предпримчивость Соединенныхъ-Штатовъ уже стала бы твердою ногою на границѣ нашихъ владѣнiй въ Америкѣ, и по всей вѣроятности, предупредила бы нашу собственную предпримчивость и въ нихъ самихъ. Но тогда, въ нашемъ владѣнiи, стало-быть, оставался бы край, связанный промышленными силами и сообщениями не съ Россiею, а съ Соединенными-Штатами. Въ такомъ случаѣ, для охраненiя нашего номинальнаго господства въ немъ, пришлось бы посылать туда войска, передвигать наши оборонительныя средства на американскiй континентъ, строить на границахъ русской Америки крѣпости, быть можетъ, современемъ отражать такiя же нападенiя со стороны Америки, какiя Испанiи приходилось отражать на Кубѣ, и Англии въ Канадѣ. Гораздо лучше было отказаться отъ правъ, приносящихъ мало выгоды въ настоящемъ и тѣмъ устранить отъ себя возможность въ будущемъ политики «авантюристской», то есть, такой, которая не можетъ предвидѣть, на какихъ именно данныхъ ей придется дѣйствовать и къ какому развитiю дѣйствiя она будетъ принуждена. Отъ возможности такой, всегда невыгодной, не рѣдко разорительной политики, мы избавились въ Америкѣ рѣшительнымъ шагомъ — отказомъ отъ нашихъ владѣнiй тамъ.

Если бы мы точно также отказались отъ претензiи господства надъ киргизами, и ограничили свою заботу о самозащитѣ укрѣпленiемъ нашихъ старыхъ линiй, по Уралу и Иртышу, однимъ словомъ, продолжали бы только то дѣло, которому было положено прочное начало, устройствомъ поселенныхъ тамъ казачьихъ войскъ, оренбургскаго и сибирскаго, то наше будущее на Востокъ было бы, правда, ограничено, но зато оно было бы въ нашихъ рукахъ.

Этого сдѣлано не было. Итакъ, намъ пришлось принять рѣшенiе противоположное: сдѣлать киргизовъ подданными Россiи не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, ввести въ степь порядокъ, прекратить между киргизами междуусобiя и защитить ихъ отъ набѣговъ изъ средне-азиатскихъ ханствъ. Для этого надо было вступить въ степь. Движенiе въ степь было прямымъ послѣдствiемъ мѣръ, принятыхъ къ «устройству» киргизовъ, во время губернаторства Сперанскаго. Движенiе это было постепенно. Такъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, мы имѣли уже, далеко въ степи, при устьѣ Сыръ-Дарьи, укрѣпленiе Аральское, имѣли уже и флотилiю на Аральскомъ морѣ. Генераль Перовскiй далъ нашему наступленiю въ степь рѣшительный толчекъ, по направленiю вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, и взялъ, въ 1852 году, фортъ Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскiй). Этотъ фортъ представлялъ до 1859 года крайнiй пунктъ сыръ-дарьинской линiи. Сибирская граница, для обезпеченiя которой были учреждены внѣшнiе округа, что уже

оставило далеко позади старую иртышскую линію, была перенесена за рѣку Или, и въ 1854 году постройкою укрѣпленія Вѣрнаго, у подножія Тянь-шанскаго хребта и вблизи озера Иссыкъ-Куля получила прочную точку опоры. Такимъ образомъ, мы, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, выдвинулись уже далеко въ степь и со стороны Оренбурга и со стороны Сибири, и простирали на Среднюю Азію двѣ руки, двѣ линіи: сырѣ-дарьинскую и сибирскую. Но между передовыми пунктами этихъ линій, между фортомъ Перовскимъ и укрѣпленіемъ Вѣрнымъ, оставалось незанятое пространство верстъ въ тысячу, и степные хищники могли продолжать свои набѣги на принадлежавшіе намъ номинально степи въ центрѣ между двумя названными передовыми пунктами. Нападенія особенно часто случались, конечно, со стороны Кокана, какъ наиболѣе близкаго сосѣда. Итакъ, вотъ оказывалась необходимость новаго наступленія, съ оборонительною цѣлью, необходимость соединить линію сырѣ-дарьинскую съ линіею сибирскою.

Мы уже видѣли, что для этой обороны сдѣлано было очень много: прежнія линіи были замѣнены новыми, врѣзавшимися глубоко въ степь. Для защиты собственно сибирской и оренбургской границъ, быть можетъ, и было бы достаточно тѣхъ средствъ, которыя были уже тогда въ рукахъ Россіи въ этомъ краѣ: поселенные здѣсь казачьи войска, уральское, оренбургское и сибирское, составляли населеніе въ 400 тысячъ душъ; сверхъ того, въ оренбургскомъ и сибирскомъ корпусахъ, вмѣстѣ взятыхъ, находились 23 линейные баталіона, кромѣ инвалидовъ и этапныхъ командъ. Но для господства въ степи, «для полнаго успокоенія степи», къ которому Россія была «нравственно обязана», всѣхъ этихъ средствъ и самыхъ линій укрѣпленій по Сырѣ-Дарѣ и за рѣкою Или, было недостаточно.

Мѣстные начальники рекомендовали такую систему, «при которой,—какъ говоритъ генералъ Романовскій,—не намъ приходилось бы опасаться вторженій со стороны средне-азіатскихъ ханствъ, а, напротивъ, вслучаѣ какихъ-либо враждебныхъ противу насъ замысловъ, угрожать имъ нападеніемъ». Понятно, куда должна была привести насъ эта система. Самъ авторъ, хотя онъ и опровергаетъ всякіе честолюбивые замыслы въ нашей политикѣ и вполне убѣжденъ, что все, что сдѣлано, необходимо было сдѣлать, замѣчаетъ, что, рѣшаясь на соединеніе оренбургскихъ и сибирскихъ линій, мы принимали рѣшеніе, «которое такъ, или иначе, не дреминуло бы подчинить нашему вліянію Коканъ, Бухару и Хиву».

Но, на первое время, имѣлось въ виду только прикрыть всю границу укрѣпленіями, т. е. соединить сырѣ-дарьинскую линію съ сибирскою и сосредоточить на этихъ передовыхъ линіяхъ «число войскъ, достаточное не только для обороны, а вслучаѣ надобности, и для на-

ступленія». Въ 1854 году, комитетъ, которому было поручено обсужденіе вопроса объ обезопасеніи нашихъ границъ въ Средней Азіи, и въ которомъ принимали участіе генераль-губернаторы: оренбургскій—графъ Перовскій и сибирскій—генераль Гасфордъ, рѣшилъ соединить линію сибирскую съ линією оренбургскою. Это постановленіе комитета было утверждено верховною властью. Смыслъ этого постановленія ясенъ: оно, очевидно, предполагало наступательныя дѣйствія, безъ которыхъ немислимо было осуществленіе его; но цѣль его была чисто-оборонительная—замѣнутіе нашей линіи, и притомъ весьма опредѣленная: комитетъ полагалъ ограничиться соединеніемъ линій; а такъ какъ его разсмотрѣнію былъ подвергнутъ средне-азіатскій вопросъ, въ полномъ его составѣ, и онъ пришелъ къ постановленію только, относительно соединенія линій обороны, то очевидно, что дальѣйшее движеніе впередъ, внутрь степи, къ югу, противорѣчило политикѣ, на которой остановился комитетъ. Такимъ образомъ, опять представлялась возможность остановиться на пути къ центрамъ средне-азиатскихъ ханствъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ воспользовались этою возможностью.

Программа 1854 года была вполне исполнена втеченіи 10 лѣтъ. Послѣ Вѣрнаго было построено далѣе на западъ укрѣпленіе Кастекъ. Русскія войска овладѣли коканскими передовыми укрѣпленіями Пишпекомъ и Токмакомъ. Изъ края Заилійскаго подвигаясь къ западу, на встрѣчу къ продолженію сыръ-дарьинской линіи, на востокъ, сибирскій отрядъ перешелъ рѣку Чу и взялъ укрѣпленіе Ауліету. Съ другой стороны, на сыръ-дарьинской линіи, впереди форта Перовскаго, вверхъ по рѣкѣ, было построено укрѣпленіе Джулекъ, взято коканское укрѣпленіе Яны-Курганъ. Предполагалось завершить соединеніе линій по Каратоускому хребту. Въ 1864 году, для этого предстояло только утвердиться на пространствѣ отъ Яны-Кургана до рѣки Чу; тогда соединенная линія представила бы слѣдующую цѣпь: отъ рѣки Или до Сыръ-Дарьи: Вѣрное, Картекъ, Пишпекъ и Токмакъ, Ауліета (продолженіе линіи сибирской), Чулакъ, Сузакъ, Джулекъ и фортъ Перовскій (продолженіе линіи сыръ-дарьинской). Таже линія, опираясь на хребетъ Тянь-Шань, озеро Иссыкъ-Куль, хребетъ Александровскій, пески Акъ-Кумъ и хребетъ Каратоускій, имѣла бы характеръ въ самомъ дѣлѣ оборонительный и только оборонительный, стало быть вполне соответствовала бы видамъ программы 1854 года.

Но по представленію начальниковъ совмѣстно дѣйствовавшихъ отрядовъ, со стороны Сибири и со стороны Оренбургскаго края, генераловъ Черняева и Веревкина, программа эта была подвергнута неизбѣжному риску тѣмъ, что мысль объ ограниченіи оборонительной линіи Каратоускимъ хребтомъ была оставлена и линія была выдвинута впередъ занятіемъ укрѣпленія Азрета (Туркестана) генераломъ Вере-

кинымъ и укрѣпленнаго города Чемкента генераломъ Черныевымъ, который принялъ начальство надъ обоими отрядами (Ауліета была взята имъ же).

Занятіе Чемкента уже составляло отклоненіе на югъ отъ прямой линіи соединенія. Къ сожалѣнію, въ книгѣ генерала Романовскаго рапорты генерала Черныева приводятся въ извлеченіи, такъ что мы не имѣемъ собственныхъ его показаній о предстоявшей необходимости занятія Чемкента. Мы можемъ предположить, что временная потребность — недостатокъ въ продовольствіи могъ побудить дѣйствовавшій отрядъ къ движенію въ хлѣбородный чемкентскій округъ. Но на основаніи временныхъ потребностей нельзя утверждать всей послѣдующей политики. Авторъ анализируемаго нами сочиненія, хотя не упускаетъ случая заявить, что послѣдовавшее затѣмъ движеніе еще далѣе къ югу, на Ташкентъ, противорѣчило программѣ 1854 года, но къ занятію собственно Чемкента относится сочувственно. Онъ говоритъ: «Направленіе, окончательно избранное для передовой линіи, было гораздо выгоднѣе прежде предполагавшагося. Кромѣ того, что занятіемъ вмѣстѣ съ Ауліетой, — Туркестана и Чемкента мы пріобрѣтали болѣе мѣстъ хлѣбородныхъ и стало быть лучше обезпечивали себя въ продовольствіи войскъ мѣстными средствами, — утвержденіемъ въ двухъ послѣднихъ пунктахъ мы окончательно занимали плодородный оазисъ, въ которомъ они лежали и который отдѣляется отъ слѣдующаго оазиса гдѣ расположенъ Ташкентъ, незначительнымъ, но голымъ и незащищеннымъ горнымъ хребтомъ.»

Но, спрашивается, что предполагалось программой 1854 года: занятіе ли новыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей, для продовольствія войскъ, или охраненіе мѣстностей, уже бывшихъ въ нашемъ владѣніи? Если предполагалось послѣднее, то ясно, что для этого нуженъ былъ именно кордонъ укрѣпленій, а не занятіе такихъ пунктовъ, которые, будучи окружены населенными округами, тѣмъ самымъ ослабляли оборонительное значеніе кордона, такъ какъ округа эти кордономъ не обнимались, и для защиты ихъ должны были потребоваться новыя передовыя посты, уже внѣ предполагаемаго кордона. Взятіе Чемкента ставило насъ въ необходимость защищать весь оазисъ, въ которомъ онъ находится.

Генералъ Романовскій объясняетъ, что осуществленное такимъ образомъ соединеніе нашей сирь-дарьинской и сибирской линій вполне удовлетворило правительство, которое искренно не желало идти впередъ. Въ свидѣтельство онъ приводитъ общее убѣжденіе въ этомъ служившихъ въ то время въ краѣ, приводитъ еще какъ доказательство и то, что правительство не ассигновывало денегъ на дальнѣйшія наступательныя дѣйствія, и что поэтому, когда «неожиданно сложившіяся обстоятельства» побудили къ движенію впередъ, то ничего не

оставалось «какъ употреблять на это первыя выславшіяся суммы, были ли то жалованье, приварочныя деньги и т. д.» Упомяная о послѣдовавшихъ «неожиданностяхъ», генералъ Романовскій тщательно оговариваетъ искренность «высшаго правительства» въ намѣреніи его остановиться на приобрѣтеніяхъ 1864 года.

Намъ кажется, что искренности не только высшаго правительства, но и мѣстнаго распорядителя, генерала Черняева, никто заподозрить не можетъ, потому что «неожиданности» очень просто объясняются какъ увлеченіемъ побѣдителя, которое самого его двигало постепенно далѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, такъ и дѣйствительной трудностью остановиться въ такой войнѣ, которая хотя имѣетъ конечной цѣлью одну оборону, но состоитъ сама все-таки изъ наступленія, изъ преслѣдованія постепенно отступающаго непріятеля. Примѣръ самого генерала Романовскаго, въ то короткое время, когда ему пришлось быть независимымъ распорядителемъ дѣлами въ средней Азіи, покажетъ намъ, какъ трудно остановиться въ этой системѣ предупрежденія нападеній нападеніемъ. Его же примѣръ покажетъ намъ, что при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ подобной войны, при отдаленности отъ высшей власти, употребленіе первыхъ попадающихся суммъ на военныя цѣли не только бываетъ минутною необходимостью, но даже обращается въ систему.

Генералъ Черняевъ въ іюлѣ 1864 года былъ назначенъ начальникомъ передовой коканской линіи. Взявъ Чемкентъ въ сентябрѣ, онъ въ октябрѣ двинулся уже къ Ташкенту. Авторъ объясняетъ это движеніе, уже рѣшительно уклонившееся отъ программы 1854 года, признанной генераломъ Черняевымъ необходимою «ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Ташкентѣ». Но это любопытство самимъ генераломъ Черняевымъ объясняется <sup>1)</sup> тѣмъ, что Ташкентъ вступилъ въ сношенія съ бухарскимъ эмиромъ. Генералъ Черняевъ писалъ: — «Я думалъ, при возможности, воспользоваться впечатлѣніемъ чемкентскаго погрома, лишившаго ханство почти всей его артиллеріи, чтобы изгнать изъ Ташкента коканскій гарнизонъ и затѣмъ, если жители выскажутся въ нашу пользу, отправить отъ нихъ депутацію въ Петербургъ и пока предоставить имъ собственное городское управленіе, наблюдая за устраненіемъ всякаго посторонняго вліянія, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій правительства.»

Итакъ, исходя изъ намѣренія соединить двѣ наши оборонительныя линіи, мы очутились вдругъ по дорогѣ къ Ташкенту, городу, отстоящему верстъ за 250 отъ Ауліеты и отъ Туркестана, городу со столыянчимъ населеніемъ. Прибавимъ еще, что Ташкентъ, послѣ Бухары, столица мусульманскаго фанатизма въ средней Азіи, и что торговое значеніе его также велико. Ясно, что, занимая его, мы уже вели войну

<sup>1)</sup> Донесеніе 14 октября 1864 года.

чисто-завоевательную. Взятіе Ташкента уже нельзя объяснить необходимостью обороны, по смыслу программы 1854 года. Но, съ другой стороны, какъ устоять противъ соблазна, взять такой важный и богатый пунктъ, когда на это достаточны ничтожныя средства? И если ужъ взять былъ Чемкентъ съ его округомъ, то можно ли было оставить вблизи себя такой сильный враждебный центръ, какъ Ташкентъ? Замѣтимъ, что къ Чемкенту Ташкентъ ближе, чѣмъ Туркестанъ или Ауліета. Такъ-то, наша политика, хотя бы и не объявляли ее завоевательною, на дѣлѣ обращалась въ чисто-завоевательную, и едва-ли напередъ не лучше будетъ намъ не обольщать самихъ себя и знать, что мы идемъ просто къ покоренію средней Азии и рано или поздно осуществимъ его вполне. Тогда по крайней мѣрѣ можно будетъ заблаговременно заготовлять средства, необходимыя для обращенія этихъ завоеваній въ пользу. Иначе, то-есть будучи неприготовленными, дѣйствуя сюрпризами сами для себя, мы хотя будемъ въ состояніи совершить завоеваніе, но въ нашихъ громадныхъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ учредится полный хаосъ, порядковъ не лучшей чѣмъ тотъ, который существуетъ въ ханствѣ нынѣ, и быть можетъ еще худшій, такъ какъ мы въ томъ краѣ пришельцы. При такомъ положеніи сомнительно, чтобы мы могли извлечь изъ нашихъ завоеваній и всѣ тѣ выгоды, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нихъ, такъ какъ уже эти завоеванія неизбежны.

Генералъ Черняевъ двинулся на Ташкентъ, какъ доносилъ онъ въ приведенномъ уже рапортѣ, всего съ 1550 человекъ войска, при 12 полевыхъ орудіяхъ и 400 милиціонерахъ. Онъ попытался взять городъ врасплохъ, но штурмъ былъ отбитъ. Генералъ Черняевъ однако не отказался отъ мысли о занятіи Ташкента. Въ началѣ слѣдующаго года, изъ сыръ-дарьинской линіи и новыхъ приобрѣтеній образована была Туркестанская область, съ подчиненіемъ ея оренбургскому генералъ-губернатору. Генералъ Черняевъ былъ назначенъ губернаторомъ этой области и командующимъ въ ней войсками. Весною, узнавъ, что бухарскій эмиръ собираетъ войска въ Ура-Тюбе, генералъ Черняевъ озаботился участіемъ, ожидавшею Ташкентъ. Въ началѣ мая онъ доносилъ, что не «считаетъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, удобнымъ занимать этотъ городъ силою, но находитъ нужнымъ поставить его въ положеніе непосредственно отъ насъ зависимое.» Вслѣдствіе этого генералъ Черняевъ выступилъ противъ укрѣпленія Ниязбека, намѣреваясь достигнуть упомянутой цѣли, овладѣніемъ водами Ташкента, чрезъ взятіе Ниязбека. Ниязбекъ онъ дѣйствительно взялъ. Но вотъ что замѣчательно: 2-го мая, онъ писалъ прямо, что *не считаетъ удобнымъ занимать* Ташкентъ силою, и въ ночь съ 14 на 15 мая онъ *взялъ* городъ и цитадель *штурмомъ* по лѣстницамъ, съ потерей убитыми 25 человекъ и ранеными 89, захвативъ 60 пушекъ, и донесеніе

свое объ этомъ заключать слѣдующими словами:—«Съ занятіемъ Ташкента мы приобрѣли въ' средней Азіи положеніе сообразное съ выгодами имперіи и мощью русскаго народа ')».

Подвигъ генерала Черняева, который въ сраженіи 9 мая совершенно разбилъ коканское войско, при чемъ былъ убитъ и коканскій правитель мулла Алимулъ, и взятіе штурмомъ двухтысячнымъ отрядомъ укрѣпленнаго города съ огромнымъ населеніемъ, съ 60-ю орудіями, безъ всякаго сомнѣнія блистателенъ. Нельзя не поставить его выше всего, что было впослѣдствіи совершено въ средней Азіи въ военномъ отношеніи, не исключая и ирджарской побѣды надъ бухарскимъ войскомъ, такъ называемаго ирджарскаго «погрома», который былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что бухарцы стрѣляли черезъ головы нашихъ солдатъ, такъ что вся побѣда обошлась намъ въ 12 человѣкъ раненыхъ 2). Совсѣмъ не то было взять Ташкентъ. Правда, городъ этотъ, при огромномъ протяженіи его укрѣпленій, могъ защищаться съ успѣхомъ только при многочисленномъ гарнизонѣ, котораго въ немъ не было. Но все-таки, чтобы рѣшиться, имѣя всего 1,951 человѣкъ 3), взять штурмомъ городъ съ стотысячнымъ населеніемъ, послѣ трехдневнаго боя на стѣнахъ и въ улицахъ, городъ, который могъ сосредоточить противъ любого атакованнаго пункта количество силъ все-таки во много разъ превышавшее число нападающихъ — надо было много смѣлости. Надо было много мужества и много хладнокровнаго расчета, который возможенъ только при полной увѣренности въ себѣ, чтобы исполнить это намѣреніе, чтобы ворвавшись въ городъ преодолѣть непредвидѣнныя препятствія, огонь изъ всѣхъ саклей и безпрестанно возникавшія баррикады. Чтобы двумъ тысячамъ человѣкъ, разрозненнымъ на отряды, не потеряться въ огромномъ неизвѣстномъ имъ городѣ, наполненномъ пулями противъ нихъ, съ десятками тысячъ поднятыхъ противъ нихъ рукъ,—требовались, по истинѣ, выходящія изъ ряда качества въ главномъ распорядителѣ. Пошатнись, усомнись онъ на одно мгновеніе, и все бы пропало, горсть смѣльчаковъ была бы задавлена массою непріятелей, хотя бы даже безъ иного оружія, какъ съ камнями и саблями въ рукахъ. Взятіе Ташкента отличается отъ послѣдовавшаго за нимъ, при другомъ начальникѣ, взятія Ходжента и Ура-Тюбе, не только большею несоотвѣтственностью силъ, но и тѣмъ въ особенности, что на Ташкентѣ былъ *показанъ первый примѣръ*. Когда генераль Черняевъ доказалъ, что съ двумя тысячами человѣкъ *можно* брать города подобные Ташкенту, то неудивительно, что другимъ начальникамъ захотѣлось послѣдовать этому примѣру; и

1) Донесеніе 2 мая 1865 года.

2) Донесеніе генераль-маіора Романовскаго, 11 мая 1866 года.

3) Донесеніе генераль-маіора Черняева, 7 іюля 1865 года.

что они могли рѣшиться на это. Совсѣмъ не то было рѣшиться въ первый разъ рискнуть участіемъ всей новой кокандской линіи для совершенія безпримѣрнаго, кортесовскаго дѣла. Надо было сознать въ себѣ большія силы и имѣть замѣчательно вѣрный взглядъ, чтобы получить убѣжденіе, что въ такомъ рискѣ всѣ шансы успѣха были на нашей сторонѣ.

Замѣтимъ еще, что самый пріемъ штурма: вторженіе въ одни ворота и движеніе въ бокъ, вдоль городской стѣны, для открытія другихъ воротъ отряду, отдѣленному противъ нихъ, а потомъ совмѣстное движеніе на цитадель, этотъ пріемъ былъ показанъ генераломъ Черныаевымъ, и впослѣдствіи повторялся при взятіи другихъ крѣпостей.

Отдавъ справедливость храбрости и техническому умѣнью, которыя обнаружены были взятіемъ Ташкента, напомнимъ, что взятіе этого города уже совершенно отмѣняло на дѣлѣ программу 1854 года, которой необходимо было держаться, если не имѣлось въ виду завоеваніе средней Азіи. Взятіе Ташкента поставило вопросъ уже иначе; только что неожиданное соединеніе сирь-дарьинской и сибирской линій оказалось уже недостаточнымъ, отчасти излишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, впереди этой линіи у насъ создалось огромное владѣніе, съ богатымъ городомъ, съ плодородною мѣстностью; въ нашихъ рукахъ оказалась главная торговая дорога, однимъ словомъ, самыя интересныя изъ нашихъ туркестанскихъ владѣній оказались внѣ той замкнутой линіи, которой завершеніе было цѣлью самого похода.

На занятіи собственно Ташкента нельзя было остановиться. Здѣсь лучше всего обнаружилось то, о чемъ мы говорили выше, по поводу Чамкента, именно что центръ заселеннаго округа не можетъ быть заключительнымъ звеномъ оборонительной линіи: взявъ Ташкентъ, надо было идти еще далѣе впередъ, вступить въ Зачирчикскій край, уже потому, что въ ближайшей части его поля принадлежать жителямъ Ташкента, и что она доставляетъ Ташкенту главное его продовольствіе. Сверхъ того занятіе Ташкента ставило насъ въ неизбѣжность войны съ эмиромъ бухарскимъ. Такъ, еще до занятія Ташкента, генералъ Черныаевъ долженъ былъ сдѣлать рекогносцировку къ Чиназу (выше по Сырь-Дарьѣ) и уничтожить тамъ переправу, чтобы предупредить возможность подачи помощи Ташкенту со стороны Бухары. Въ Ташкентѣ при оборонѣ уже былъ небольшой бухарскій отрядъ, который и руководилъ защитой.

Авторъ анализируемаго нами сочиненія нѣсколько разъ говоритъ, что правительство не дало разрѣшенія на занятіе Ташкента, не одобрило предположеній о занятіи Ташкента. Однако мы видимъ, что правительство, хотя и замѣнило впослѣдствіи генерала Черныаева другимъ начальникомъ, однако приняло предположеніе генерала Черныаева, присоединило Ташкентъ къ имперіи. Если намъ возразятъ на это: «Но

что же оставалось дѣлать, когда Ташкентъ уже былъ взятъ?» — то за отвѣтомъ мы обратимся къ мнѣнію, высказанному оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генераломъ Крыжановскимъ, который, пріѣхавъ въ сентябрѣ 1865 года на Сыръ-Дарью, настаивалъ на осуществленіи первоначальной мысли генерала Черняева, объ образованіи въ Ташкентѣ независимаго владѣнія съ ханомъ, подъ покровительствомъ Россіи, между тѣмъ какъ генералъ Черняевъ уже совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей въ этомъ отношеніи. Генералъ Черняевъ въ 1864 году предполагалъ сперва образовать независимое ташкентское ханство потому, что считалъ затруднительнымъ непосредственное управленіе имъ. — «Главное, что побудило меня къ заявленію этой мысли», писалъ онъ 10 мѣсяцевъ спустя <sup>1)</sup>, — «были мнимыя затрудненія, которыя должны были представиться намъ, для удержанія въ повиновеніи этого многолюднаго города и устройства въ немъ полиціи. Соображая численность войскъ, употребляемыхъ для карауловъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и огромныя суммы, издерживаемыя на содержаніе полиціи, я не могъ себѣ представить, чтобы Ташкентъ съ его 200,000 <sup>2)</sup> мусульманскимъ населеніемъ, стекающимся для торговли со всѣхъ концовъ Азіи, потребовалъ бы такъ мало войскъ и денегъ для удержанія въ немъ спокойствія и порядка. Опытъ убѣдилъ меня, что если предоставить жителямъ самоуправленіе, то для охраненія спокойствія и полнаго повиновенія достаточно имѣть здѣсь, въ особой отъ города цитадели, одинъ баталіонъ и двѣ сотни; полиція можетъ быть предоставлена самимъ жителямъ.»

Вотъ почему генералъ Черняевъ считалъ даже неудобноисполнимою свою прежнюю мысль. — «Ханъ, поставленный нашимъ правительствомъ», говорилъ онъ, — «въ глазахъ народа будетъ тѣмъ же русскимъ чиновникомъ, которымъ управляются они и теперь, но съ тою разницею, что власть нашего чиновника они признаютъ, потому что видятъ за ней силу; власть же хана можетъ быть только номинальной. Чтобы онъ имѣлъ значеніе, необходима таже военная сила, и въ результатъ выйдетъ, что мы только лишимся доходовъ, которые будутъ поглощаться на содержаніе хана.»

Однимъ словомъ, генералъ Черняевъ полагалъ, что взявъ Ташкентъ, слѣдовало просто присоединить его къ имперіи, и мнѣніе его подкрѣплялось адресомъ въ этомъ смыслѣ, поданномъ самими ташкентцами. Хотя адреса покоренныхъ городовъ не всегда можно принимать

<sup>1)</sup> Донесеніе 6 августа 1865 года.

<sup>2)</sup> Цифра эта по всей вѣроятности значительно преувеличенная. Населеніе Ташкента, по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Бехчуринымъ, во время поѣздки въ Туркестанскій край генералъ-губернатора, въ 1865 году — только до 100 тысячъ, а по свѣдѣніямъ, доставленнымъ управлявшими населеніемъ — всего 80 тысячъ! См. прил. 83, стр. 281.

за искреннее выраженіе желаній населенія, но не надо упускать изъ виду, что въ Ташкентѣ и прежде покоренія его была партія, склонявшаяся на сторону Россіи. Между тѣмъ генераль-губернаторъ держался мысли объ оставленіи Ташкента независимымъ владѣніемъ.

Генераль Романовскій (а ему, какъ онъ говоритъ, хорошо извѣстны представленія генерала Крыжановскаго, котораго онъ самъ сопровождалъ въ то время въ Туркестанскую область) сообщаетъ, что это-то разногласіе въ мнѣніяхъ и было причиною вызова въ Петербургъ генераловъ Крыжановскаго и Черняева, для постановленія окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу въ особомъ комитетѣ. Замѣтимъ однако, что вызовъ въ Петербургъ генерала Черняева обратился въ отозваніе его, такъ какъ онъ уже не возвратился на свой постъ, а между тѣмъ правительствомъ было въ конечномъ результатѣ принято и осуществлено мнѣніе генерала Черняева, а не генерала Крыжановскаго. Итакъ, чѣмъ бы ни объяснялась перемѣна начальника Туркестанской области, она во всякомъ случаѣ не можетъ быть объяснена несогласіемъ высшаго правительства съ его видами.

Еще до своего отозванія изъ Туркестана, генераль Черняевъ осенью 1865 года могъ убѣдиться въ неизбѣжности войны съ Бухарою, какъ послѣдствія взытія Ташкента. Посольство, отправленное имъ къ бухарскому эмиру, было задержано этимъ владѣтелемъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что блестящія военныя способности не всегда сопровождаются равными политическими качествами. Трудно оправдать принятую по распоряженію и по ходатайству генерала Черняева, вслѣдъ за занятіемъ Ташкента, мѣру: узнавъ, что эмиръ бухарскій овладѣлъ коканскимъ городомъ Ходжентомъ, почти одновременно съ занятіемъ нами Ташкента, генераль Черняевъ арестовалъ всѣхъ находившихся въ Туркестанской области бухарцевъ съ ихъ товарами, а затѣмъ, по его представленію, были заарестованы и въ Оренбургѣ всѣ бухарцы съ ихъ товарами. Генераль Черняевъ видѣлъ въ этой мѣрѣ средство къ поддержанію нашего вліянія въ средней Азіи, но ошибочность такого предположенія очевидна изъ самой сущности того порядка, который существуетъ въ среднеазиатскихъ ханствахъ, да и вообще въ Азіи. Бухара не есть европейское государство, которое можно удерживать отъ какихъ-либо военныхъ предпріятій, нанесеніемъ удара его торговлѣ. Весь строй Бухары состоитъ именно въ деспотизмѣ шайки фанатиковъ и шайки воителей надъ мирнымъ торговымъ и земледѣльческимъ населеніемъ. Итакъ, можно ли было ожидать, чтобы эмиръ Мозафферъ, считающій себя преемникомъ Тимура, военнымъ и духовнымъ владыкою, которому Богъ поручилъ завоевать всѣ земли невѣрныхъ, стѣснился въ своихъ предпріятіяхъ тѣмъ, что нѣкоторое число людей изъ этого мирнаго, презираемаго имъ и казнимаго при случаѣ безъ пощады, торговаго населенія задержаны непріателемъ?

Ошибочность предположенія генерала Черняева обнаружилась вполнѣ осенью 1865 года. Несмотря на арестованіе бухарцевъ, онъ рѣшился отправить посольство въ Бухару. Нельзя не найти совершенно естественнымъ, что эмиръ Мозафферъ арестовалъ это посольство. Впослѣдствіи, въ своихъ переговорахъ съ Бухарою, наши власти ссылались на то, что первымъ поводомъ къ войнѣ съ Бухарою было задержаніе бухарскимъ правительствомъ нашихъ чиновниковъ; но ясно, что поводъ былъ данъ нами самими. Какъ бы то ни было, по задержаніи нашихъ чиновниковъ война съ Бухарою стала неизбежна. Въ январѣ 1866 года, генералъ Черняевъ собралъ отрядъ въ Чиназѣ и сдѣлалъ движеніе на лѣвый берегъ Сыра, къ бухарской крѣпости Джозаку, стоящей у самаго прохода чрезъ хребетъ *Кура-Тау* (не смѣшивать съ *Кара-Тау*), который вмѣстѣ съ хребтомъ Самаркандъ-Тау образуетъ изъ самаркандскаго округа природную передовую крѣпость бухарскаго ханства по направленію къ нашей линіи. Но походъ подъ Джозакъ, стоящій за голодною степью, не удался. Послѣ стычки подъ крѣпостью, наши войска отступили къ Чиназу, за недостаткомъ въ кормѣ для лошадей; генералъ Черняевъ побудился къ отступленію и тремя письмами эмира Мозаффера, въ которыхъ онъ положительно обѣщалъ возвратить задержанныхъ имъ русскихъ посланныхъ <sup>1)</sup>. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что на подобныя обѣщанія нельзя было много разсчитывать. Письмо, прежде присланное эмиромъ и объяснявшее, почему посланные были имъ задержаны, было слишкомъ убѣдительно, чтобы можно было ожидать съ его стороны перемѣны мысли, безъ положительнаго принужденія къ тому: а мы отступили.

Приведемъ это короткое письмо въ подлинникѣ: «*Михаилу Черняеву* <sup>2)</sup>. Было бы извѣстно, что вы просили о своихъ посланныхъ, но они въ добромъ здоровьи. Отъ насъ также было послано посольство къ вашему царю, о которомъ я получилъ извѣстіе отъ пріѣхавшихъ изъ Россіи людей, что мои посланники до царя не допущены, а задержаны гдѣ-то на дорогѣ, что нельзя позволить (и) другу; по поводу сему я остановилъ и вашихъ посланниковъ. Посланники и допрежде не были обижаемы, и мы вашихъ посланниковъ нисколько не обижаемъ. Посланники же ваши до тѣхъ поръ будутъ здѣсь, пока мои посланники не явятся къ вашему царю и не получаютъ отвѣта. Когда отъ вашего царя получится дружественное извѣстіе, тогда и послан-

<sup>1)</sup> Донесеніе генерала Черняева 19 февраля 1866 года.

<sup>2)</sup> Замѣтимъ, что кокандцы и бухарцы сперва повидимому принимали фамилію русскаго генерала за титулъ, понимали слова «Михаилъ Черняевъ» какъ Михаилъ-Бекъ. Такъ впослѣдствіи въ нѣсколькихъ туземныхъ грамотахъ генерала просто называли Михаиломъ, а первое письмо бека джозакскаго къ генералу Романовскому начинается такъ: «Вновь прибывшему отъ Бѣлаго Царя *Черняеву* да будетъ извѣстно» и проч.

никовъ вашихъ отпущу съ величайшимъ удовольствіемъ. Мѣсяцъ Тачбанъ.»

Задержаніе бухарцевъ и вслѣдъ затѣмъ отправленіе въ Бухару нашихъ посланныхъ, наконецъ экспедиція для вытребованія этихъ послѣднихъ — все это нельзя признать искусною политикою. Но бѣды особенной во всемъ этомъ также не было. Стоило только освободить арестованныхъ нами бухарцевъ, и наши чиновники были бы отпущены. Возраженіе, что этимъ мы «урунили бы свое значеніе въ средней Азіи», всегда готовое на устахъ военачальниковъ и, какъ мы видѣли, заведшее насъ, путемъ «нравственной обязанности», отъ Каратоускихъ горъ къ Джюзаку, есть не что иное, какъ Schlagwort, которымъ нельзя разрѣшать всѣхъ вопросовъ. Значеніе наше въ средней Азіи было основано на владѣніи Сыръ-Дарьею и занятіемъ Ташкента, а не на томъ, чтобы удерживать захваченныхъ бухарцевъ.

Какъ бы то ни было, въ отступленіи отъ Джюзака не было ровно никакой катастрофы, и генералъ Романовскій, какъ намъ кажется, напрасно придаетъ этому обстоятельству значеніе кризиса. Онъ говоритъ, что «по первому извѣстію объ этихъ новыхъ complicatiõхъ правительство поспѣшило вызвать въ Петербургъ генераловъ Черняева и Крыжановскаго», между тѣмъ какъ самъ сказалъ выше, что поводомъ къ ихъ вызову было разногласіе ихъ въ мнѣніяхъ относительно Ташкента. «По первому извѣстію объ этихъ новыхъ complicatiõхъ», какъ выражается генералъ Романовскій, правительство не только вызвало въ Петербургъ генерала Черняева, но и «командировало автора подлежащаго очерка для начальствованія войсками и для исправленія должности военного губернатора». Между тѣмъ донесеніе генерала Черняева объ отступленіи отъ Джюзака было еще только подписано 19 февраля, а генералъ Романовскій уже 10 февраля выѣхалъ изъ Петербурга. Стало быть совершенно ясно, что замѣна генерала Черняева генераломъ Романовскимъ послѣдовала вовсе не вслѣдствіе неудачнаго похода на Джюзакъ. Мы останавливаемся на разъясненіи этого факта потому собственно, что въ изложеніе автора прокралось, конечно независимо отъ его воли, именно такое представленіе, что вотъ, вслѣдствіе своей неудачи, генералъ Черняевъ былъ замѣненъ генераломъ Романовскимъ, представленіе, не имѣющее, какъ мы показали, и тѣни основанія. Побѣдитель Ташкента былъ вызванъ для объясненій и потомъ оставленъ въ Петербургѣ, хотя его мысль объ устройствѣ Ташкента и была принята, а въ Туркестанъ командированъ генералъ Романовскій, которому, какъ состоявшему при военномъ министерствѣ, должны были ближе быть извѣстны назначенія этого министерства.

## IV.

При командированіи въ Туркестанъ генерала Романовскаго составлена была, по соглашенію министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, инструкція для руководства новаго губернатора Туркестанской области и его непосредственнаго начальника — оренбургскаго генералъ-губернатора. Инструкція эта была утверждена верховною властью. Составлять въ Петербургѣ инструкціи для дѣйствій въ средней Азіи дѣло не легкое. Определеніе точныхъ правилъ на всякіе случаи стѣснило бы непосредственнаго начальника, передъ которымъ на дѣлѣ могли возникнуть обстоятельства все-таки непредвидѣнныя. Но въ инструкціи, составленной для руководства генераловъ Романовскаго и Крыжановскаго были изложены основанія столь общія, что они никакимъ руководствомъ служить не могли. Такое сужденіе мы составляемъ себѣ, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ пунктамъ инструкціи, которыя приведены въ сочиненіи генерала Романовскаго. Напримѣръ, тамъ предписывалось: «Неуклонно стараясь не распространять нашихъ непосредственныхъ владѣній въ средней Азіи, въ тоже время не отказываться, однако, ради сего, отъ такихъ дѣйствій и распоряженій, которыя были бы для насъ необходимы; вообще же имѣть прежде всего въ виду истинную пользу Россіи.»

Послѣднее, казалось бы, предполагалось само собою и безъ инструкціи. На самомъ дѣлѣ этотъ пунктъ инструкціи просто предоставлялъ ближайшимъ начальникамъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Относительно Бухары инструкція изъясняла сожалѣніе, что дѣйствія послѣдняго времени сдѣлали врага намъ изъ бухарскаго эмира, который считался другомъ Россіи и выражала желаніе скорѣйшаго восстановленія дружественныхъ торговыхъ сношеній съ Бухарою, но не предписывала прямого для этого средства — освобожденія арестованныхъ бухарцевъ, а напротивъ того напоминала ближайшему начальнику: «Что азіятецъ уважаетъ только силу оружія, что малѣйшее колебаніе и нерѣшительность, тѣмъ болѣе уступая въ виду какихъ бы то ни было неумѣстныхъ съ ихъ стороны заявленій или дѣйствій, будутъ приняты ими за слабость, и потому не только не достигнуть цѣли, но могутъ гибельно отозваться, какъ на частяхъ нами вновь занятыхъ, такъ и на нашихъ степяхъ и на нашихъ прежнихъ линіяхъ.» Сказывающаяся здѣсь преокупация — чисто военная, и едва ли мы ошибемся отнеся составленіе этого пункта къ министерству военному. Впрочемъ, какъ сообщаетъ далѣе генералъ Романовскій, и министерство иностранныхъ дѣлъ признавало неумѣстнымъ всякіе переговоры съ эмиромъ бухарскимъ до возвращенія имъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, инструкція хотя и выражала желаніе дружественныхъ сношеній съ Бухарою, но своими оговорками оставляла столь же, если не болѣе, вѣроятнымъ открытіе войны съ Бухарою. Понятно, что когда инструкція затѣмъ указывала мѣстному начальнику главной цѣлю: «Заставить эмира понять, что мы не желаемъ завоеваній и не грозимъ дѣлать его владѣній, но не позволимъ и ему расширять своихъ владѣній по направленію къ нашимъ предѣламъ»,—то исполненіе этого пункта представлялось сомнительнымъ. Не дѣлать уступокъ и заставить эмира возвратить плѣнныхъ — значило допускать войну; а предшествующій опытъ могъ показать, что война поведетъ и къ новымъ завоеваніямъ.

И вотъ, на самомъ дѣлѣ, генералъ Романовскій исполнилъ эту инструкцію такъ, что началъ войну съ Бухарою и завоевалъ Ходжентъ, а потомъ, дѣйствуя въ присутствіи генерала Крыжановскаго, завоевалъ и Ура-Тюбе и Джюзакъ, чѣмъ уже прямо нарушалась цѣлость бухарскихъ владѣній.

Въ числѣ главныхъ затрудненій, представлявшихся г. Романовскому при принятіи имъ должности, кромѣ недостаточности войскъ, онъ называетъ и «запутанность счетовъ за прежнее время.» Въ самомъ дѣлѣ, еще генералъ Черняевъ постоянно жаловался, что войскъ въ Туркестанской области было слишкомъ мало. Ихъ было всего 13 тысячъ человекъ. По ходатайству генерала Черняева, ему посланы были подкрѣпленія въ три тысячи человекъ съ Волги, но они были оставлены на зиму въ Оренбургѣ и могли прійти на мѣсто не ранѣе августа 1866 года. Итакъ, генералу Романовскому предстояло на первое время довольствоваться прежнею цифрою 13 тысячъ человекъ на всю область.

Что касается «запущенности счетовъ за прежнее время», то она явилась вслѣдствіе необходимости, въ какую былъ поставленъ прежній начальникъ, употреблять всѣ наличныя суммы на потребности, наименѣе терпѣвшія отлагательства, то-есть преимущественно на военныя. Авторъ анализируемаго нами сочиненія во многихъ мѣстахъ останавливается на этой «запущенности» и «запутанности счетовъ» за прежнее время, хотя намъ кажется, что для него собственно это обстоятельство не могло имѣть большого значенія; другое дѣло — для его канцеляріи, которой пришлось до нѣкоторой степени распутать эти счета. Такъ какъ сочиненіе г. Романовскаго есть не только обзоръ событій въ средней Азіи въ 1864, 1865 и 1866 годахъ, но и оцѣнка дѣятелей этого времени и въ нѣкоторой степени автоаполлогія, то мы считаемъ необходимымъ, прежде изложенія дальнѣйшихъ дѣйствій, разъяснить то обстоятельство, на которое авторъ такъ настойчиво указываетъ.

Что разумѣется подъ словами «запутанность счетовъ»? Во-первыхъ, расходованіе денегъ изъ наличныхъ суммъ на первыя потребности,

безъ соблюденія формальностей; во-вторыхъ, несвоевременное представленіе или даже неудовлетворительное составленіе отчетности. Первое было неизбѣжно. Генералъ Черняевъ, при быстротѣ своихъ предприятий и отдаленности отъ оренбургской власти, не могъ ожидать разрѣшеній на производство расходовъ, безъ которыхъ безусловно нельзя обойтись въ походѣ. До какой степени невозможно было подчинить расходование суммъ во время военныхъ дѣйствій распоряженіямъ изъ Оренбурга доказывается всего лучше примѣромъ самого генерала Романовскаго, когда, прибывъ въ Ташкентъ, онъ получилъ предписаніе отнестись на мѣстные доходы 62,000 р., требовавшіеся на квартирное довольствіе, да еще 50,000 р. на инженерныя работы, а всѣ мѣстные доходы въ наличности представлялись въ цифрѣ 800 рублей! Вотъ что значить управлять издалика.

Мы не можемъ думать, чтобы расходование денегъ изъ наличныхъ суммъ, безъ соблюденія формальностей, при генералѣ Черняевѣ представлялось ему въ видѣ упрека авторомъ, хотя онъ и указываетъ на это обстоятельство съ особенной настойчивостью; не можемъ потому, что первымъ дѣломъ самого генерала Романовскаго, при принятіи новой должности еще въ Петербургѣ, было испросить себѣ разрѣшеніе: «Въ случаѣ крайности въ деньгахъ не стѣсняться формальностями, а расходовать на неотложныя надобности заимообразно суммы ассигнованныя на другіе предметы», конечно съ представленіемъ отчетовъ. Всѣ доходы съ Ташкента и другихъ мѣстностей, еще не присоединенныхъ къ имперіи, было повелѣно даже считать экстраординарною суммой, и расходование ея предоставить военному губернатору. Приѣхавъ въ Оренбургъ, генералъ Романовскій просьбу свою о «нестѣсненіи его формальностями» повторилъ генералъ-губернатору, который призналъ ее уважительною. Итакъ, самъ авторъ узаконилъ то, въ чемъ можно было бы, пожалуй, — не зная этого — видѣть упрекъ съ его стороны прежнему порядку.

На дѣлѣ онъ самымъ широкимъ образомъ примѣнилъ эту неизбѣжную систему удовлетворенія потребностей настоятельныхъ изъ наличныхъ суммъ, съ откладываніемъ расчетовъ на будущее; когда онъ прибылъ въ Туркестанскую область, то за нимъ слѣдовалъ транспортъ интендантскаго вѣдомства съ деньгами, и вотъ изъ этихъ денегъ онъ употреблялъ безразлично на настоятельныя нужды, отвлекая ихъ временно отъ прямого ихъ назначенія. Мало того, вполнѣдствіи, по вѣдѣнію генераломъ Романовскимъ Ходжента, однажды представилась такая нужда въ деньгахъ, что пришлось занять у одного изъ туземцевъ 3,000 рублей, что генералъ Романовскій оправдываетъ соображеніемъ, что такъ дѣлалось и при его предшественникѣхъ.

Итакъ, та главная причина «запутанности счетовъ», которая заключалась въ расходованіи денегъ на первыя настоятельныя потреб-

ности, а не по росписанію и не по разрѣшеніямъ изъ-за 2000 верстъ, при генералѣ Романовскомъ дѣйствовала точно также, какъ и при генералѣ Черняевѣ.

Затѣмъ остается степень порядка въ веденіи счетоводства и отчетности. Надѣмся, никто не будетъ противорѣчить намъ, если мы скажемъ, что правильность счетоводства въ походной палаткѣ и подъ выстрѣлами зависитъ прежде всего отъ устройства администраціи, на которой она лежитъ. Если при генералѣ Романовскомъ счетоводство велось правильнѣе, чѣмъ при генералѣ Черняевѣ, то (надо принять въ соображеніе, что у генерала Черняева *вся* администрація по Туркестанской области, считая тутъ и правителя канцеляріи и управляющихъ туземнымъ населеніемъ, состояла на лицо изъ *восьми* человекъ, которыхъ тамъ нашелъ генералъ Романовскій при пріѣздѣ своемъ въ область, въ мартѣ 1866 года <sup>1)</sup>). У генерала же Романовскаго, въ концѣ того же года, на лицо было 22 чиновника <sup>2)</sup>). Сверхъ того не забудемъ, что въ 1866 году была командирована специальная коммисія изъ Петербурга для повѣрки счетовъ, при чемъ на покрытие сверхсмытныхъ расходовъ было ассигновано 400,000 рублей. При помощи этой-то коммисіи счета за экспедицію генерала Романовскаго и могли быть закончены въ томъ же году.

Указавъ на эти цифры, намъ достаточно будетъ привести слѣдующія слова генерала Романовскаго, по поводу малаго числа служащихъ, найденнаго имъ въ краѣ: — «Не трудно понять, насколько возможно было, при подобномъ недостаткѣ служащихъ, дѣйствительное осуществленіе того порядка, который былъ проектированъ мѣстнымъ начальствомъ и Высочайше утвержденъ вышедшимъ въ 1865 г. положеніемъ.» То, въ чемъ г. Романовскій видѣлъ затрудненіе для себя, при вступленіи въ должность, было постояннымъ затрудненіемъ и для его предшественника.

Уже по дорогѣ къ мѣсту своего назначенія, генералъ Романовскій узналъ тревожныя извѣстія о приготовленіяхъ бухарскаго эмира. Въ передовыхъ отрядахъ нашихъ за Ташкентомъ было всего 3,000 человекъ и поддержанія, собиравшіяся съ линіи, могли прійти только черезъ нѣсколько недѣль. Между тѣмъ бухарскія войска стояли уже въ 50 верстахъ отъ нашего передоваго поста Чиназа, и, по слухамъ, войска, собранныя имъ, доходили до 100,000 человекъ при 100 орудіяхъ. Эмиръ Мозафферъ пользовался въ средней Азій славою непобѣдимаго воителя, и встрѣча съ его арміею представляла, повидимому, уже ту опасность, что у эмира были и регулярныя войска. Замѣтимъ, впрочемъ, тотчасъ же, что на характеръ послѣдующихъ дѣйствій это

<sup>1)</sup> Вѣдомость, прилож. № 77.

<sup>2)</sup> Вѣдомость, прилож. № 78.

обстоятельство ровно никакого вліянія не имѣло, и что мнимыя регулярныя войска эмира столь же мало оказали сопротивленія нашимъ солдатамъ, какъ и коканскія войска.

Генераль Романовскій не началъ никакихъ переговоровъ съ бухарцами, а прямо произвелъ, 5 апрѣля, успѣшную рекогносцировку къ Мурза-Рабату, по направленію отъ Чиназа къ Ирджару, и только тогда послалъ эмиру письмо, въ которомъ, увѣдомляя его о своемъ назначеніи, приглашалъ эмира <sup>1)</sup>: «Показать, какими соображеніями руководствуетесь вы въ дѣйствіяхъ вашихъ по отношенію къ Россіи, то есть имѣете ли вы намѣреніе вести съ нами войну, или дѣйствія ваши происходятъ вслѣдствіе недоразумѣній вашихъ лично съ генераломъ Черняевымъ.» Генераль Романовскій прибавлялъ при этомъ, что не дозволяя возвратиться нашимъ посланнымъ, эмиръ наноситъ оскорбленіе Россіи. Отвѣтъ на это письмо былъ полученъ черезъ 11 дней, а между тѣмъ было получено извѣстіе, что въ концѣ апрѣля будутъ подкрѣпленія, именно 4 роты, 2 сотни и два орудія. Отвѣта Мозаффера авторъ къ сожалѣнію не могъ сообщить въ подлинникѣ, не имѣя его подъ рукою. По тому анализу, который намъ представленъ, должно полагать, что отвѣтъ былъ не только уклончивый, но даже съ угрозою.

Подкрѣпленія прибыли къ маю, и къ тому же времени эмиръ сосредоточилъ свои войска у Ирджара (за Сыръ-Дарьею, почти на полдорогѣ отъ Чиназа къ Джюзаку) и самъ прибылъ туда; сверхъ того онъ послалъ десяти-тысячный отрядъ въ Зачирчикскій край, на правый берегъ Сыра. Генераль Романовскій вступилъ въ бой съ бухарскими войсками 8 мая, при Ирджарѣ, и одержалъ побѣду. Побѣда эта была полная: эмиръ бѣжалъ; казаки преслѣдовали непріятеля на протяженіи 5 верстъ, и наши войска захватили множество военныхъ снарядовъ и припасовъ, въ томъ числѣ 6 орудій и 670 пудовъ пороку. Наша потеря составила всего 12 раненыхъ, потому, какъ мы сказали выше, что бухарцы стрѣляли черезъ головы нашихъ:—«Непріятель допустилъ наши колонны на самый вѣрный выстрѣлъ», писалъ генераль Романовскій <sup>2)</sup>, «и дѣйствовалъ чрезвычайно быстро и настойчиво; направленіе выстрѣловъ было весьма правильно, но, не считавъ разстояніе, бухарцы придавали такой большой уголъ возвышенія своимъ орудіямъ, что большая часть ихъ снарядовъ перелетала черезъ наши войска, построенныя въ боевыхъ порядкахъ, и ложилась частью въ обозѣ, а частью внѣ онаго». Приведенныхъ сейчасъ строкъ, между прочимъ, достаточно, чтобы показать, почему при обзорѣ событій, излагаемыхъ генераломъ Романовскимъ, мы не останавливаемся на изложеніи сраженій и весьма симпатичныхъ намъ во всякомъ слу-

<sup>1)</sup> Прилож. № 35.

<sup>2)</sup> Донесеніе генерала Романовскаго, отъ 11 мая 1866 года.

чаѣ военныхъ подвиговъ нашихъ начальниковъ. Намъ занимаетъ гораздо болѣе политическая сторона всего этого дѣла, чѣмъ оцѣнка техническая, тѣмъ болѣе, что такъ или иначе распоряжались начальники, но побѣда была несомнѣнна послѣ того, какъ Ташкентъ былъ взятъ двухъ-тысячнымъ отрядомъ. Все, что могла бы разъяснить техническая оцѣнка, это — въ какой мѣрѣ, посредствомъ тѣхъ или другихъ распоряженій, можно было болѣе или менѣе охранить наши войска отъ потерь, соблюсти большую или меньшую экономію солдатъ. Такая оцѣнка дѣлъ, въ особенности при Ура-Тюбе и Джюзакѣ, могла бы быть сама по себѣ интересна и со временемъ, конечно, будетъ сдѣлана специальными военными писателями.

Побѣда при Ирджарѣ, разумѣется, измѣнила все положеніе дѣлъ. Эмиръ Мозафферъ былъ наказанъ за излишнюю самоувѣренность, которая побудила его встрѣтиться съ нашими войсками въ открытомъ полѣ. Обаяніе непобѣдимости эмира разрушилось, и населеніе Ташкента, которое было взволновано разными слухами по поводу приближенія Мозаффера, успокоилось. А такъ какъ въ ирджарскомъ дѣлѣ участвовали огромныя массы <sup>1)</sup>, которыя окружали нашъ отрядъ, то нельзя не отдать справедливости мужеству начальника, который изъ этого положенія вышелъ съ блестящею побѣдой.

Пораженіе эмира подъ Ирджаромъ измѣнило положеніе дѣлъ не только въ отношеніи стратегическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Предшествующія указанія уже не могли служить руководствомъ для этого измѣненнаго положенія. Впрочемъ, какъ мы видѣли, инструкція, данная генералу Романовскому, составлена была такъ, что она ни въ какомъ случаѣ не могла стѣснить его. — «Во всѣхъ моихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ», говоритъ авторъ, «съ 8 мая до половины іюля, когда получено было первое приказаніе генераль-губернатора, основанное уже на соображеніяхъ, возникшихъ по разбитіи эмира, и даже потомъ, до пріѣзда въ край, въ августѣ мѣсяцѣ, самого генераль-губернатора, я руководствовался преимущественно моими личными взглядами на дѣло, а потому и отвѣтственность за эти собственно дѣйствія должна падать исключительно на меня.»

Что предстояло дѣлать по разбитіи эмира? Если имѣть въ виду, что генераль Романовскій причисляетъ себя, по взгляду на политику въ средней Азіи, къ партіи «умѣренныхъ» и принять, что онъ управлялся въ край съ программой преимущественно мирною, то-есть выражавшею желаніе скорѣе возстановить дружественныя сношенія съ ханствами, съ тѣмъ только, чтобы не дѣлать уступокъ, наконецъ, если

<sup>1)</sup> По показаніямъ лазутчиковъ — до 100 тысячъ. Но самъ авторъ признаетъ это число преувеличеннымъ и въ своемъ донесеніи остановился на весьма, однако, почтенной цифрѣ 40 тысячъ человекъ, при 21 орудіи.

вспомнить, какъ сильно онъ настаиваетъ на томъ обстоятельстве, что взятіе Ташкента не входило въ расчеты правительства, а потому и повлекло за собою различныя неудобства, то придется сказать, что не сдѣлавъ Бухарѣ уступокъ, а, напротивъ, уничтоживъ блестящимъ успѣхомъ ея обаяніе и успокоивъ край, генералу Романовскому предстояло потребовать только выдачи нашихъ посланныхъ и затѣмъ возвратиться на прежніе наши посты. Такова была бы политика мира. Мозафферъ безъ сомнѣнія отпустилъ бы нашихъ чиновниковъ, еслибы ихъ потребовалъ снова побѣдитель при Ирджарѣ; во всякомъ случаѣ для достиженія этой цѣли излишне было движеніе совсѣмъ въ иную сторону — къ Кокану.

Но если принять за руководство программу дальнѣйшихъ приобрѣтеній, программу завоевательную (которой въ такомъ случаѣ не зачѣмъ и скрывать или не называть по имени), то тогда, естественно, представлялся только вопросъ: Какъ лучше воспользоваться побѣдою при Ирджарѣ? Чтò занять еще? Генералу Романовскому представился этотъ именно вопросъ, и онъ занялъ Ходжентъ столь же непредвидѣнно для высшаго правительства, какъ генераль Черняевъ занялъ Ташкентъ. Ему, повидимому, даже не пришлось и принять во вниманіе возможность какой-либо иной политики, кромѣ политики наступленія впередъ. Вопросъ, который подвергся обсужденію послѣ ирджарскаго дѣла, состоялъ только въ выборѣ, куда идти впередъ. — «Чтобы воспользоваться рѣшительнымъ успѣхомъ нашимъ подъ Ирджаромъ», говоритъ онъ, «предстояло два способа дѣйствій: или, неотступно преслѣдуя непріятеля, идти на Джюзакъ, Самаркандъ и далѣе, или направиться на Нау и Ходжентъ.»

Поставивъ себѣ такой вопросъ, генераль Романовскій рѣшилъ его въ послѣднемъ смыслѣ, то-есть рѣшился идти на Ходжентъ. Затѣмъ онъ оправдывалъ это дѣйствіе уже только по сравненію съ движеніемъ въ Бухару, отъ котораго онъ воздержался. Онъ доносилъ впослѣдствіи <sup>1)</sup>: — «Я считалъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе выгоднымъ, безъ крайности, избѣгать до времени движенія въ предѣлы Бухары и направиться на Нау и Ходжентъ.» Союзъ и представляетъ здѣсь, быть можетъ, не строго-логическій выводъ. Изъ того, что мы не шли въ Бухару, слѣдовала ли, говоря строго-логически, необходимость движенія на Нау и Ходжентъ, каковы бы ни были выгоды этого движенія сравнительно, собственно, съ движеніемъ въ Бухару, которое вовсе предположено не было?

Но какъ было не воспользоваться плодами ирджарской побѣды, не занять городъ важный и въ стратегическомъ и въ торговомъ отношеніи? Въ стратегическомъ отношеніи занятіе Ходжента было важно

<sup>1)</sup> Донесеніе 30 мая 1866.

потому, что оно отрѣзывало Коканъ отъ Бухары. Вспомнимъ, что тѣ же важныя стратегическіе и экономическіе доводы представлялись въ пользу занятія Ташкента. Здѣсь, какъ и тамъ, правительство не предвидѣло того, что сдѣлаютъ генералы, а когда города были заняты, присоединило ихъ къ имперіи.

Лежавшее на дорогѣ къ Ходженту укрѣпленіе Нау, было занято безъ выстрѣла, и 17 мая оба отряда, слѣдовавшіе по двумъ берегамъ Сыра, соединились подъ Ходжентомъ. Эта крѣпость и городъ тѣмъ только отличается отъ Ташкента, что меньше его. Генераль Романовскій говоритъ, впрочемъ, что укрѣпленіе Ходжента было сильнѣе всѣхъ прежде-взятыхъ нами въ Туркестанѣ. Но укрѣпленія его точно также, какъ и въ Ташкентѣ, представляли протяжную линію стѣнъ (11 верстъ), которую гарнизону было трудно защищать. Осада Ходжента продолжалась 8 дней; 24 мая онъ былъ взятъ. При этомъ повторились главныя черты взятія Ташкента: точно также, сады, окружающіе городъ, дали возможность нашимъ штурмовымъ колоннамъ приблизиться къ стѣнамъ, не бывъ замѣченными; точно также, ворвавшись въ одни ворота, наша колонна двинулась вдоль стѣнъ, для соединенія съ другою колонною, направленною на другія ворота и т. д. Только добыча въ Ходжентѣ была меньше, чѣмъ въ Ташкентѣ. Вооруженіе Ташкента состояло изъ 63 орудій, вооруженіе Ходжента всего изъ 13. Зато и наша потеря убитыми и ранеными была меньше: при взятіи Ходжента — 76 чел.; при взятіи Ташкента — 114.

Итакъ, мы приобрѣли, на теченіи Сыръ-Дарьи, новый важный пунктъ. Ходжентъ собственно не составлялъ владѣнія бухарскаго эмира; жители его пользовались нѣкоторою самостоятельностью, подчиняясь то коканцамъ, то бухарцамъ. Въ то время, какъ мы брали Ташкентъ, эмиръ бухарскій занялъ Ходжентъ. Приведемъ здѣсь, какъ доказательство, что занятіе нами Ходжента не было нужно для освобожденія нашихъ посланныхъ, что для этого достаточно было ирджарской побѣды, то обстоятельство, что еще въ первый день подступленія нашего отряда къ Ходженту, уже прибыло посольство отъ джюзакскаго бека, съ увѣдомленіемъ, что наши посланные отпускаются. На другой день по взятіи Ходжента, уже прибылъ въ нашъ лагерь одинъ изъ задержанныхъ эмиромъ чиновниковъ и получено было извѣстіе отъ того же бека, что наши посланные уже освобождены. Ясно, по сравненіи времени, что эти распоряженія сдѣланы были въ Бухарѣ не подъ вліяніемъ взятія нами Ходжента, а ранѣе.

Ханъ коканскій принялъ безъ непріязни извѣстіе о паденіи Ходжента въ руки русскихъ войскъ. Въ письмѣ къ генералу Романовскому, Худояръ-ханъ объявилъ себя другомъ Россіи, просилъ ея покровительства на случай вторженія въ Коканъ «непріятеля» и обѣщалъ «уважать и любить» пріѣзжихъ русскихъ «болѣе, чѣмъ своихъ»

подданныхъ»<sup>1)</sup>. Генераль Романовскій отвѣчалъ на это письмо дружелюбно, но поставилъ хану нѣкоторыя условія, между прочимъ то, чтобы партіи кокандцевъ не переправлялись на правый берегъ Сыра. На просьбу джюзакскаго бека отъ имени бухарскаго эмира, о представленіи эмиру гарантіи въ нашемъ миролюбіи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ собственно его владѣній, генераль Романовскій отвѣчалъ требованіемъ, чтобы наши посланные были отправлены въ Ташкентъ, и заявленіемъ, что въ Ташкентъ прибылъ самъ оренбургскій генераль-губернаторъ, и что для переговоровъ о мирѣ долженъ быть присланъ къ нему уполномоченный отъ Бухары. Посланные наши, дѣйствительно, были тотчасъ отпущены и, возвращаясь изъ Ходжента въ Ташкентъ, генераль Романовскій уже засталъ ихъ тамъ. Вслѣдъ затѣмъ, эмиръ Мозафферъ отпустилъ и всѣхъ задержанныхъ имъ купцовъ нашихъ, возвративъ имъ ихъ товары.

Еще до пріѣзда въ край генераль-губернатора, генераль Романовскій, который взялъ на свою отвѣтственность занятіе Ходжента, былъ обрадованъ письменнымъ сообщеніемъ его, изъ Петербурга, по полученіи здѣсь извѣстія о побѣдѣ при Ирджарѣ, что, по его мнѣнію, необходимо занять Ходжентъ. — «Слѣдовательно—говоритъ авторъ—можно было надѣяться, что уже случившееся между тѣмъ занятіе Ходжента не противорѣчило правительственнымъ видамъ». Но между тѣмъ, какъ генераль Романовскій, по возвращеніи своемъ въ Ташкентъ, занялся внутреннимъ устройствомъ края и предпринялъ образованіе судовъ «мехкеме», онъ получилъ новыя извѣстія, которыя показывали, что генераль-губернаторъ держится совсѣмъ иного взгляда на дальнѣйшія дѣйствія въ Средней Азіи, чѣмъ генераль Романовскій. Генераль Романовскій, какъ мы уже сказали, причисляетъ себя къ людямъ «умѣренной» партіи. Это, впрочемъ, не помѣшало ему занять Ходжентъ. Но и послѣ занятія Ходжента, онъ повторялъ себѣ такое правило: «поддержаніе въ Средней Азіи нашего *нравственнаго* вліянія, *не расширеніе*, а упроченіе вновь занятыхъ частей, при общемъ умиротвореніи края». Между тѣмъ, генераль Романовскій, который полагалъ, что этой программѣ не противорѣчило занятіе Ходжента, считалъ нужнымъ взять еще Наманганъ, городъ на верховьяхъ Сыр-Дарьи.

Генераль-губернаторъ, какъ мы сказали, былъ несогласенъ съ политическими видами мѣстнаго начальника. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ точнѣе его держался программы мира. Напротивъ того, и несмотря на возвращеніе эмиромъ бухарскимъ нашихъ посланныхъ и, стало быть, на устраненіе предлога къ той войнѣ, истинный поводъ къ которой былъ поданъ нами самими,—онъ не отпустилъ аре-

<sup>1)</sup> Прилож. № 46.

стованныхъ бухарцевъ изъ Оренбурга. Генераль Романовскій просилъ прислать ихъ на Сыръ - Дарью, но генераль - губернаторъ и этого не сдѣлалъ, объясняя, что они могутъ бѣжать изъ сыръ - дарьинскихъ фортовъ. Сверхъ того, генераль Крыжановскій находилъ нужнымъ занять весь Коканъ, какъ можно скорѣе, и съ этой цѣлью предлагалъ генералу Романовскому: «принять, относительно Кокана, тонъ высокій, третировать Худояръ - хана, какъ человѣка, который по положенію своему долженъ быть вассаломъ Россіи. Если обидится и будетъ дѣйствовать противъ насъ — тѣмъ лучше, это дастъ предлогъ покончить съ нимъ». Относительно же эмира бухарскаго, генераль - губернаторъ писалъ: «побивъ его такъ, какъ вы его побили, надо отъ него всего требовать, не уступая ему ни въ чемъ». Мудрено ли послѣ этого, что иностранные писатели вовсе не допускаютъ объясненія нашихъ постепенныхъ завоеваній въ Средней Азіи увлеченіями начальниковъ мѣстныхъ войскъ, а видятъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ преднамѣренную, ясно сознannую систему завоеванія, которая только маскируется предлогами?

А между тѣмъ, мы, если и допустимъ, что наступательныя дѣйствія самого генерала Романовскаго объяснялись до нѣкоторой степени неопредѣлительностью инструкціи, обязательной какъ для него, такъ и для генераль - губернатора, то уже никакъ не будемъ въ состояніи признать, что упомянутые виды генераль - губернатора, генерала Крыжановскаго, были согласны съ этою инструкціею. Мы должны, наоборотъ, признать, что они прямо противорѣчили тому, что намъ о ней извѣстно. «Возобновленіе въ скорѣйшемъ времени нашихъ дружественныхъ отношеній къ ханствамъ» и полное покореніе одного изъ нихъ, полная неуступчивость относительно другого, подъ предлогами, которые создавались произвольно — возможно ли согласить это?

Мы видимъ, однако, что генераль Крыжановскій, по пріѣздѣ своемъ въ Ташкентъ, въ половинѣ августа, одобливъ дѣйствія генерала Романовскаго, отказался отъ своихъ предположеній по устройству края, а впослѣдствіи и отъ покоренія коканскаго ханства. Но всего уступить изъ своей программы онъ, конечно, не могъ, а результатомъ этого и было взятіе нами еще крѣпостей Ура-Тюбе, Заамина и Джизака. Такимъ образомъ, и пріѣздъ въ край генерала Крыжановскаго былъ ознаменованъ побѣдами, что хотя и поставило насъ впереди голодной степи, но, конечно, возвысило блескъ нашего оружія и было полезно все тѣмъ же «усиленіемъ нашего нравственнаго вліянія въ Средней Азіи».

Съ своей стороны, и генераль Романовскій, который, получивъ прямо противорѣчившія его убѣжденію предписанія, собирался уже подать въ отставку и говорилъ по этому предмету, что въ такомъ положеніи дѣятелю «слѣдуетъ удалиться, предоставивъ продолженіе

тѣмъ, кто не сомнѣвается въ полезности предлагаемыхъ новыхъ мѣръ» — остался на мѣстѣ потому, какъ говорить онъ, что послѣдующія хорошія «отношенія къ ближайшему главному начальнику края не могли не радовать и не возбуждать усердія къ службѣ». Удовлетворительныя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ проявились, между прочимъ, тѣмъ, что генералъ Крыжановскій «хотя лично находился при войскахъ, но поручивъ отрядъ» — генералу Романовскому — «ограничивался лишь главными указаніями и вполне довѣрилъ» — ему — «всѣ подробности распоряженій». Такимъ образомъ, генералу Романовскому пришлось взять бухарскія владѣнія Ура-Тюбе и Джозаѣ, противъ занятія которыхъ онъ приводилъ такіе убѣдительные резоны. Ура-Тюбе и Джозаѣ были взяты штурмомъ 2 и 18 октября. При этомъ не исполнилось и убѣжденіе генерала Романовскаго въ необходимости занять Наманганъ, но зато ему удалось отклонить враждебныя дѣйствія противъ коканскаго хана, который обязанъ ему призракомъ остающейся за нимъ независимости и не даромъ величаетъ его въ своихъ письмахъ «цѣнителемъ друзей».

Поставимъ теперь рядомъ, для болѣе нагляднаго сужденія, такіе два факта: въ 1864 году, впереди фортовъ, расположенныхъ въ степи, мы заняли Чемкентъ для того, чтобы пріобрѣсть пунктъ въ хлѣбородной мѣстности и тѣмъ облегчить содержаніе нашихъ войскъ въ степи; въ 1866 же году, мы, впереди хлѣбороднаго ташкентскаго округа, заняли въ голодной степи Джозакъ, который и остается пока нашимъ передовымъ пунктомъ.

## V.

Завоеванія наши въ Средней Азіи были легки; гораздо труднѣе другое подлежащее намъ дѣло — устройство новыхъ пріобрѣтеній. Эра завоеваній въ томъ краѣ, по нашему убѣжденію, еще не закрыта; но правительство должно было принять мѣры къ упроченію своей власти надъ новыми своими владѣніями. Таковъ, безъ сомнѣнія, будетъ непосредственный результатъ даннаго Туркестанской области новаго образованія. Будемъ надѣяться, что военныя дѣйствія, если имъ и суждено скоро возобновиться, оставятъ новому начальнику края возможность содѣйствовать прочному началу водворенія въ Туркестанѣ цивилизаціи, то есть Россіи. Для этого надобно многого: дорогъ, безопасности, изслѣдованія тѣхъ натуральныхъ богатствъ, которыя находятся въ пріобрѣтенныхъ нами областяхъ: каменноугольныя копи на Каратау, хлопокъ и шелкъ — вотъ что прежде всего способно заинтересовать Россію и связать съ нею новопріобрѣтенный край связью болѣе прочною, чѣмъ тѣ цѣпи, которыя куются изъ оружія: торгов-

лею и колонизацію. Когда мы увидимъ первую хлопчато-бумажную фабрику на мѣстѣ рожденія дешеваго хлопка, тогда мы будемъ въ состояніи сказать, что въ Туркестанѣ поставлена самая могущественная батарея.

Административная организація края, разумѣется, должна была предшествовать всякимъ начинаніямъ въ немъ; но не надо думать, что, издавъ положеніе о новомъ управленіи и обративъ Туркестанскую область въ туркестанскій военный округъ и туркестанское генералъ-губернаторство, мы сдѣлали *малое*.

Отдѣленіе управленія Туркестанской областью и командованія въ ней войсками отъ вѣдомства оренбургскаго начальства было потребностью очевидною. Приведенныхъ въ этой статьѣ примѣровъ уже достаточно, чтобы показать всю невозможность управленія страной и дѣйствующимъ отрядомъ за 2,000 верстъ. Еще генералъ Черняевъ ходатайствовалъ о предоставленіи туркестанскому управленію самостоятельности. Для изслѣдованія положенія дѣлъ въ киргизскихъ степяхъ, а потомъ и въ новопріобрѣтенномъ краѣ, правительствомъ была командирована, въ началѣ 1865 года, такъ-называемая «степная коммиссія», состоявшая изъ лицъ: отъ военнаго министерства, отъ Оренбургскаго края, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ управленія Западной Сибири. Въ мартѣ прошлаго года составленъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Въ этомъ комитетѣ засѣдали, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, лица отъ разныхъ вѣдомствъ и члены «степной коммиссіи», а также генералы Крыжановскій, Черняевъ и Романовскій. Члены этого комитета признали единогласно (за исключеніемъ генерала Крыжановскаго) необходимымъ отдѣлить Туркестанскую область отъ оренбургскаго управленія, и соотвѣтственно этому состоялось Высочайшее повелѣніе. Комитетъ для организаціи края имѣлъ въ виду проекты туркестанскаго управленія и отъ оренбургскаго генералъ-губернатора; изъ этихъ, по порученію комитета, проектовъ, «степная коммиссія» составила свой проектъ, который и былъ внесенъ въ комитетъ министровъ. Комитетъ министровъ постановилъ, не утверждая всего проекта, образовать туркестанское генералъ-губернаторство и предоставить его начальнику согласовать проектъ «степной коммиссіи» съ мѣстными условіями и затѣмъ представить его на окончательное утвержденіе въ порядкѣ законодательнымъ.

По устройству собственно военнаго управленія былъ составленъ проектъ въ главномъ штабѣ. Этотъ проектъ, создававшій особый туркестанскій военный округъ, получилъ Высочайшее утвержденіе.

Такимъ образомъ, и на основаніи Высочайше утвержденного 11-го апрѣля прошлаго года, мнѣнія особаго комитета, средне-азиатскій край

получилъ нынѣшнее свое образованіе: изъ бывшей Туркестанской области и части области Семипалатинской было образовано туркестанское генераль-губернаторство, раздѣленное на двѣ области: Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую. Генераль-губернаторство Туркестанское составило и особый военный округъ. Генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками былъ назначенъ генераль Кауфманъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь въ подробности новаго устройства, даннаго Туркестанскому краю <sup>1)</sup>; но обратимъ вниманіе на главные черты его.

Соединеніе части Семипалатинской области съ областью Туркестанскою, осуществленное новымъ положеніемъ, было вызвано желаніемъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ управленіе всѣмъ краемъ, пограничнымъ съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ современемъ намъ, быть можетъ, придется дѣйствовать не только на верховьяхъ Сыръ-Дарьи, но и въ китайской Монголіи. Хотя мы и не думаемъ, что наше правительство уже теперь намѣрено предпринимать что-либо въ этой новой странѣ, но послѣ того, какъ случилось такъ много непредвидѣннаго, правительство совершенно основательно имѣетъ желаніе все предвидѣть. А положеніе дѣлъ въ западномъ Китаѣ тревожно. Туранцы, населяющіе эту часть имперіи, нерѣдко возстаютъ противъ китайскихъ властей. Такъ, въ 1866 году, произошло возстаніе въ Кашгарѣ и Яркендѣ, и китайцы съ нимъ не справились. Надо еще имѣть въ виду, что по мѣрѣ ослабленія нами Кокана и уменьшенія хищничества въ нашемъ Туркестанѣ, коканцы переносятъ свой мусульманскій фанатизмъ и свое хищничество въ эту страну и легко могутъ возбуждать въ ней движеніе, враждебное Россіи. Эти соображенія оправдываютъ съ воинской точки зрѣнія соединеніе въ однѣхъ рукахъ управленія мѣстностями разнородными, каковы Туркестанская область и присоединенная къ ней часть области Семипалатинской. Но нѣтъ сомнѣнія, что разнородность эта составитъ, все-таки, затрудненіе для новаго туркестанскаго управленія.

Однимъ изъ главныхъ основаній образованія, даннаго Туркестанскому краю, представляется еще соединеніе въ однѣхъ рукахъ власти административной и власти военной. Это основаніе проведено во всѣхъ инстанціяхъ власти правительственной: командующій войсками въ краѣ есть вмѣстѣ генераль-губернаторъ, командующіе войсками въ областяхъ — вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ гражданскіе начальники, наконецъ, даже уѣздные начальники — командиры войскъ, расположенныхъ въ уѣздахъ, хотя, однако, должно замѣтить, въ управленіи введено и коллегіальное начало, въ лицѣ областныхъ правленій. Но вся высшая

<sup>1)</sup> Высочайшій указъ объ этомъ преобразованіи напечатанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 15 іюля 1867 г.

власть предоставлена нераздѣльно генералъ-губернатору, которому предоставлено также и право дипломатическихъ сношеній. Однимъ словомъ, край въ административномъ отношеніи имѣетъ чисто-военное устройство. Понятно, что иначе и быть не могло въ только-что завоеванномъ и притомъ *такомъ* краѣ. Желательно только, чтобы по мѣрѣ того, какъ край станетъ соединяться съ Россіею иными связями, кромѣ военныхъ, сообразно съ этимъ измѣнились и его учрежденія, чему мы видимъ примѣръ на Кавказѣ.

Другое главное условіе, положенное въ основаніе устройству Туркестанскаго края, состоитъ въ томъ, что внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ предоставлено выборнымъ изъ самого народа, съ примѣненіемъ къ его нравамъ и обычаямъ, — за исключеніемъ однихъ дѣлъ политическаго характера. Сообразно съ этимъ, установлено въ каждой волости и аулѣ (такъ какъ дѣленіе принято не на роды, а на волости, аулы, что уже потребуетъ ломки собственно въ Туркестанской области), что управители избираются хозяевами кибитокъ въ двухъ степеняхъ <sup>1)</sup>, и содержаніе имъ назначается по приговору обществъ. Согласно съ тѣмъ же началомъ, туземцамъ осѣдымъ и кочевымъ предоставленъ народный судъ (нѣкоторые дѣла исключены изъ него) биевъ — для киргизовъ, и казиевъ — у сартовъ <sup>2)</sup>. Уголовныя дѣла и важныя гражданскія рѣшаются на сѣздахъ судей. Туземному суду поставлено только одно ограниченіе: запрещеніе истязаній и смертной казни, ограниченіе, которому нельзя не сочувствовать виолнѣ. Военнымъ судамъ подлежатъ туземцы за преступленія политическія.

Итакъ, высшее управленіе Туркестанскаго края — военное, низшее — народное. Въ своей совокупности оно носитъ даже официальное названіе «военно-народнаго». Это устройство болѣе всего соответствуетъ первоначальной чисто-политической потребности. Но не надо упускать изъ виду, что управляя краемъ по военному и оставляя нетронутымъ азіатское общество, не вводя въ его внутреннюю организацію элементовъ русскихъ, мы оставляемъ его совершенно отрѣзаннымъ отъ цивилизаціи. Такое положеніе не должно быть не только окончательнымъ, но и продолжительнымъ. Въ новомъ положеніи есть одна статья, которая указываетъ на тотъ смыслъ, въ которомъ эти учрежденія должны развиваться: туземцамъ предоставлено, по ихъ желанію, обращаться къ русскимъ уѣзднымъ судьямъ, которые въ этомъ случаѣ рѣшаютъ дѣло по совѣсти, примѣняясь къ народнымъ обы-

<sup>1)</sup> Въ аулѣ, хозяева 10-ти кибитокъ избираютъ одного избирателя; сходъ ихъ избираетъ старшину; въ волости, хозяева 50 кибитокъ избираютъ одного избирателя, а сѣздъ избирателей — избираетъ волостного управителя.

<sup>2)</sup> Для суда надъ русскими учреждены уѣздные судьи по назначенію отъ правительства, а областное правленіе замѣняетъ судебную палату.

чаемъ. Органическое сліяніе этого края съ Россією, со временемъ, — вотъ что должно быть окончательною цѣлью. Что на населеніи осѣдломъ, городскомъ, сліяніе это осуществится въ періодъ недолговременный, если не устранять его намѣренно, — это доказывается примѣромъ тѣхъ татарскихъ городовъ, которые были присоединены въ прежнія времена.

Подати установлены въ Туркестанскомъ краѣ слѣдующія: съ киргизовъ кибиточный сборъ не менѣе 2 р. 75 к.; сумма, слѣдующая съ волости, опредѣляется по числу кибитокъ, но раскладывается на аулы не по числу кибитокъ, а по благосостоянію. Раскладка производится выборными, съ жителей осѣдлыхъ взимаются «хераджъ» (подать въ натурѣ съ земледѣльческихъ продуктовъ, десятина урожая), «танапная» подать (поземельная, при чемъ земли цѣнятся по сортамъ продуктовъ) и «закетъ» (подать съ торговаго капитала въ размѣрѣ  $\frac{1}{40}$  стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ). Расходы по управленію Туркестанскимъ краемъ исчислены въ 460,000 рублей. Доходовъ, при нынѣшней администраціи, поступаетъ всего до 636,000 рублей. Но, по мнѣнію «степной коммисіи», недостаточность нынѣшняго контроля по введеніи проектированнаго коммисією положенія, доходы должны составлять не менѣе милліона рублей. Такимъ образомъ, за вычетомъ расходовъ, ожидается чистаго дохода съ Туркестанскаго края около полмилліона. Излишне было бы доказывать, что для Россіи всего выгоднѣе будетъ обратить весь излишекъ доходовъ на устройство въ самомъ краѣ дорогъ, изслѣдованіе его богатствъ, даже гарантію доходовъ первымъ частнымъ предпринимателямъ, по такимъ отраслямъ, гдѣ возможенъ контроль.

Устройство дорогъ — вотъ первая потребность даже и въ военномъ отношеніи. Генераль Романовскій говоритъ, что на передвиженіе войскъ съ Волги въ Туркестанскій округъ требуется два года, а по устройствѣ дорогъ, по одному изъ указываемыхъ имъ направленій, будетъ требоваться для этого всего нѣсколько недѣль. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить о томъ, которое изъ предлагаемыхъ направлений дорогъ выгоднѣе, но соединеніе Туркестанскаго округа съ Кавказомъ, по мысли фельдмаршала князя Барятинскаго, очевидно, представляетъ ту важную стратегическую выгоду, что дастъ возможность отдѣлять отъ многочисленной арміи небольшіе отряды для Туркестанскаго края, въ которомъ и незначительное подкрѣпленіе, во время военныхъ дѣйствій, весьма чувствительно.

Генераль Романовскій высказывается въ пользу уничтоженія Оренбургской таможенной линіи, которая, доставляя казнѣ неважный доходъ, сильно стѣсняетъ азіатскихъ торговцевъ, и отмѣны льготъ отъ гильдейскихъ повинностей, какими пользуются въ Россіи среднеазіатскіе торговцы. Намъ кажется, что послѣднія мѣра едва ли не прежде-

временна; всѣ наши усилія должны пока клониться къ усиленію торговыхъ сношеній между Туркестанскимъ краемъ и имперією, а объ уравниеніи правъ гражданъ забота еще впереди. Извѣстно, что въ Москвѣ составилось въ 1866 году торговое товарищество для прямыхъ сношеній съ Ташкентомъ. Наши караваны уже ходятъ въ Коканъ. Съ Бухарою мы давно ведемъ торговлю и изъ послѣднихъ извѣстій видно, что торговля эта возобновилась <sup>1)</sup>.

Отношенія наши къ Бухарѣ вообще еще не выяснились, хотя и замѣчается наклонность ея владѣтеля къ миру. Осенью прошлаго года въ Оренбургъ пріѣзжалъ бухарскій посолъ, но соглашеніе съ нимъ не могло состояться уже потому, что Туркестанскій край ожидалъ въ то время новаго начальника. Генераль Кауфманъ прибылъ въ Ташкентъ въ началѣ ноября и затѣмъ стали ожидать новаго посла изъ Бухары.

Устройство новой администраціи началось на дѣлѣ; открытіе мѣстныхъ управленій поручено пяти коммисіямъ, которыя должны были также собирать свѣдѣнія о кочевникахъ. Коммисіи должны были окончить свои труды къ 1 марту <sup>2)</sup>. Дѣла предстоитъ много. Вотъ какъ характеризуетъ одинъ корреспондентъ общее положеніе дѣлъ въ Туркестанскомъ краѣ, при пріѣздѣ генераль-губернатора: — «Масса злоупотребленій, общее недовѣріе и злоба мѣстныхъ жителей на русскую администрацію» <sup>3)</sup>. Какъ ни неудовлетворительно такое положеніе дѣлъ, но жаловаться теперь, зачѣмъ мы заняли край такой далекой, когда еще самъ оренбургскій край у насъ пустыненъ и неустроенъ, уже слишкомъ поздно. Дѣло сдѣлано, дѣло поставлено такъ, что можно ожидать только дальнѣйшаго развитія его, а объ оставленіи и говорить нечего. Что касается Оренбургскаго края, то съ устройствомъ предполагаемой самарско-оренбургской дороги и со введеніемъ земскихъ учрежденій, проектъ о которыхъ, какъ говорятъ <sup>4)</sup>, взялъ съ собою оренбургскій генераль-губернаторъ при своей поѣздкѣ въ Петербургъ, — положить основаніе новымъ, европейскимъ порядкамъ; а для самой прочности владѣнія краемъ Туркестанскимъ необходимо, чтобы край Оренбургскій совершенно слился съ европейскою Россією.

Производство хлопка, — вотъ первая отрасль промышленности, на которую должно обратиться наше вниманіе. Хлопокъ, извѣстный подъ названіемъ бухарскаго, обходится нашимъ хлопчато-бумажнымъ фабрикамъ уже теперь вдвое дешевле американскаго. Мы говоримъ

<sup>1)</sup> Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ ноябрѣ было извѣстіе, что изъ Бухары выступилъ караванъ въ 3000 верблюдовъ.

<sup>2)</sup> Корреспонденція изъ Туркестанскаго края въ «Русскомъ Инвалидѣ», 18 января 1868 года.

<sup>3)</sup> Письмо изъ Ташкента въ «Московскія Вѣдомости», 9 января.

<sup>4)</sup> Корреспонденція изъ Оренбурга, въ «Русскомъ Инвалидѣ», 8 марта.

«извѣстный подъ названіемъ» бухарскаго потому, что онъ производится не въ одной Бухарѣ. По словамъ Вамбери, въ Хивѣ его производится еще болѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, но хивинскіе караваны соединяются съ бухарскими, а потому на оренбургской таможенѣ хлопокъ и называется бухарскимъ. Шелкъ — другое сокровище Бухары, по словамъ того же путешественника, производится и въ Коканѣ и именно въ мѣстности Намангана, съ которою граничатъ наши владѣнія. Шерсть также составляетъ одну изъ главныхъ отраслей мѣстной производительности. Киргизское овцеводство снабжаетъ насъ ежегодно пригодною на сумму до 4,000,000 рублей.

Изложеніе нашихъ нынѣшнихъ коммерческихъ сношеній съ средней Азіею не входитъ въ предметъ этой статьи. Объ устройствѣ управленія краемъ и мѣстной производительности мы упомянули только въ дополненіе къ обзору книги г. Романовскаго. Остановимся здѣсь на замѣчаніи, что богатства Бухары, Хивы и Кокана — вовсе не миеъ, хотя, разумѣется, и не соответвуютъ преданію, сохранившемуся на Востокѣ о прежнемъ цвѣтущемъ состояніи этихъ странъ. Богатства среднеазиатскихъ ханствъ заключаются не столько въ изумрудахъ и рубинахъ Бедахшана, и въ золотомъ пескѣ, который въ верховьяхъ Аму-Дарьи добывается простымъ способомъ погруженія въ рѣку верблужьихъ хвостовъ насаженныхъ на шестахъ, сколько въ плодородности почвы, обусловленной, кромѣ климата, весьма развитою системою искусственнаго орошенія; въ хлопкѣ, шелкѣ, «киргизской» и «узбекской» овцахъ, въ фруктахъ, изъ которыхъ нѣкоторые своимъ достоинствомъ превосходятъ всѣ извѣстные въ Старомъ Свѣтѣ сорта, и т. д.

Эти естественныя богатства средней Азіи и ея рынокъ для сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній, которымъ предстоитъ мало шансовъ являться на рынокѣ европейскомъ — все это побуждаетъ къ вопросу: если мы уже зашли такъ далеко, приняли на себя главный трудъ прохода черезъ бесплодныя степи, то останавливаться ли намъ передъ входомъ въ Самаркандъ и Бухару, которые Гафизъ признаетъ сокровищемъ болѣе цѣннымъ даже, чѣмъ его возлюбленную коканскую столицу, за которой Востокъ призналъ названіе «преlestницы»? Дѣло по всей вѣроятности тѣмъ и кончится, что мы вступимъ туда. Остановиться въ завоеваніяхъ въ средней Азіи, какъ мы видѣли, трудно, да наконецъ теперь вопросъ поставленъ предыдущими событіями уже такъ, что было бы совершенно излишне отказываться безусловно отъ довершенія дѣла и отъ исполненія нашей цивилизаторской миссіи на Востокѣ. Въ этомъ отношеніи, поставленіе среднеазиатскихъ ханствъ въ вассальную зависимость отъ насъ совсѣмъ не то, что покореніе. Только покоривъ Бухару, мы можемъ закрыть въ ней громадный невольничій рынокъ, который служитъ главнымъ поощреніемъ «охоты на людей» на берегахъ Каспійскаго моря и въ южной части средней

Азіи. Одно поставленіе ханствъ въ вассальную зависимость отъ Россіи, не соотвѣтствовало бы и нашимъ прямымъ выгодамъ. Большая часть доходовъ съ нихъ пожиралась бы тѣмъ тунеядческимъ, грабительскимъ и фанатическимъ меньшинствомъ, которое составляетъ въ нихъ опору власти хановъ, ихъ дворъ и войска и самими ханами. Однимъ словомъ, та самая причина, которая приводилась генераломъ Черняевымъ противъ созданія вассальнаго ханства въ Ташкентѣ, основательно можетъ быть приведена и противъ оставленія существующихъ ханствъ въ вассальномъ положеніи. Въ настоящее время намъ уже принадлежитъ треть Коканскаго ханства, и остальные двѣ трети его, отрѣзанныя отъ Бухары Ходжендомъ, подпадутъ подъ нашу власть, когда того захочетъ правительство.

Съ другой стороны, владѣніе Джюзакомъ облегчаетъ намъ доступъ въ Бухару; удержаніе въ нашемъ владѣніи этого пункта, лежащаго за голодною степью, и можетъ быть объяснено только предвидѣніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Бухары. Взятіе Ходжента и Джюзака было необходимо для дальнѣйшихъ завоеваній и необходимо только для этой цѣли. Намъ кажется совершенно излишнимъ обманывать самихъ себя, отворачиваясь отъ того, что непременно случится въ будущемъ и прибѣгать къ объясненію взятія Ходжента, Ура-Тюбе и Джюзака «политикою умѣренности».

Это не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительному смыслу фактовъ, да не соотвѣтствуетъ и никакой цѣли, потому что въ Европѣ этому никто не вѣритъ. Въ британской Индіи, гдѣ наиболѣе заинтересованы слѣдить за нашими успѣхами, каждый шагъ нашъ впередъ возбуждаетъ тревогу. Уже первые шаги наши въ степь, лѣтъ тридцать тому назадъ, возбудили такой страхъ въ Индіи, что англичане предприняли экспедицію въ Афганистанъ, для предупрежденія покоренія его Персією съ нами въ союзѣ. Экспедиція эта имѣла бѣдственный исходъ: Англія потерпѣла полную неудачу и издержала даромъ огромную сумму, 17 милліоновъ фунтовъ. Съ тѣхъ поръ взглядъ Англіи, относительно покоренія Афганистана, значительно измѣнился. Мы скажемъ сейчасъ объ этой перемѣнѣ и о перемѣнѣ вообще тона англійскихъ органовъ печати, по отношенію къ нашему наступательному движенію въ средней Азіи. Сперва же замѣтимъ, что и сами англичане на сѣверѣ Индіи шли намъ на встрѣчу. Они наконецъ покорили Пенджабъ и обратили Кашмиръ и Тибетъ во владѣнія, находящіяся въ ихъ зависимости настолько же, насколько уцѣлѣвшее Коканское ханство зависитъ отъ насъ. Они врѣзались на сѣверъ острымъ угломъ по Инду и уперлись въ южную отрасль того самого Болорскаго хребта, по который генералъ Крыжановскій хотѣлъ распространить наши владѣнія. Еслибы онъ это сдѣлалъ, то мы были бы сосѣдями англичанъ.

Сосѣдство это, что бы ни говорили англійскіе органы печати, не

можетъ быть пріятно англичанамъ, какъ никому не можетъ быть пріятно такое расширеніе чужой власти, которое дастъ ей возможность переносить, на невыгодное для него поле, расчеты съ того поля, гдѣ онъ недосыгаемъ. Относительно собственно Афганистана, политика Англіи измѣнилась въ томъ смыслѣ, что она уже не стремится предупредить Россію покореніемъ его. Но она заботливо охраняетъ его отъ покоренія Персіею, опасаясь какой-нибудь невыгодной для себя комбинаціи между Персіею и Россіею. Такъ она сколько могла охраняла отъ Персіи Гератъ, а въ Кабулѣ, по смерти Достъ-Магомета, воцарила одного изъ его сыновей, родственника бухарскаго эмира Мозаффера, нашего врага. И теперь въ Англіи, а особенно въ англійской Индіи слышатся голоса, требующіе покоренія Кандахара и занятія Герата. Но самые вліятельные органы разсуждаютъ иначе. Въ Афганистанѣ, населенномъ воинственнымъ племенемъ и сильно укрѣпленномъ самою природою, они видятъ естественное препятствіе установленію сосѣдства Россіи съ британскими владѣніями съ опасной стороны, съ той стороны, гдѣ межею между нами не былъ бы хребетъ Гинду-Ко. Приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ статей «Times», чтобы познакомить читателей со взглядомъ, преобладающимъ нынѣ въ Англіи на отношенія къ намъ въ средней Азіи. — «Россія уже находится на границѣ Афганистана. Она можетъ вступить въ соглашеніе съ Персіею для покоренія Афганистана, и тогда она лично предстанетъ на нашей границѣ. На этотъ аргументъ представляется слѣдующій простой отвѣтъ: нельзя утверждать навѣрное, что Россія можетъ и хочетъ исполнить приписываемыя ей намѣренія, но навѣрное можно сказать, что во всякомъ случаѣ намъ невыгодно идти ей полдороги на встрѣчу. Правда, мы не имѣемъ основанія приписывать Россіи особенную умѣренность. Ясно, что ея политика чисто завоевательная, и что русскіе, какъ нація, предвидятъ здѣсь для себя будущность завоеваній и расширенія, опредѣленную судьбою. Но напрасно думаютъ, будто для завоевателя нѣтъ достойной добычи между Каспійскимъ моремъ и Индомъ и будто только одна Индія можетъ вознаградить Россію. Замѣчательно, что политика Россіи такъ похожа на нашу. Взглядъ русскихъ на ихъ миссію на Востокѣ тождественъ съ нашимъ, и результаты его совершенно сходны съ тѣми, къ которымъ приходили мы. Россія объявляетъ, что ея цѣль — торговля, а орудіе ея — цивилизація, а политика не олицетворяется военнымъ завоеваніемъ и присоединеніемъ земель. Но не то ли же самое говорили и дѣлали мы? И когда Россія объявляетъ намъ, что она вовсе не имѣла намѣренія идти впередъ и завоевывать, но что это дѣло было навязано ей обстоятельствами, не есть ли это тоже самое, что мы говорили и сознавали сами за себя, въ періодъ цѣлыхъ трехъ поколѣній? Не слѣдуетъ ли намъ допустить тѣхъ оправданій, которыхъ вѣроятность намъ извѣстна по собственному примѣру?

Но главное побужденіе политики сэра Джона Лоуренса (губернатора Индіи) состоитъ въ слѣдующемъ: что бы ни думала Россія, идетъ ли она къ намъ въ качествѣ друга или въ качествѣ врага, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — ожидать ее тамъ, гдѣ мы теперь стоимъ. Всякій нашъ шагъ впередъ былъ бы потерей для насъ. Завладѣніе Афганистаномъ, чтобы создать въ немъ *барьеръ* — мысль хи-мерическая. Если придется остановить гдѣ-либо Россію, то остановить ее можетъ только британское оружіе. На какую бы линію мы ни стали, чтобы выжидать ея, эта линія и сдѣлается нашей границей. Если мы вступимъ въ Афганистанъ, то эта страна сдѣлается такою же британскою провинціею, какъ самъ Пенджабъ. Единственный возможный между нами барьеръ представляется именно почвою и населеніемъ Афганистана, въ томъ видѣ, какъ онъ находится теперь. — Вмѣшиваться въ междоусобицу, раздирающую Афганистанъ, значило бы принять на себя афганскую войну. Самая лучшая политика именно та, которой слѣдуетъ сэръ Джонъ Лоуренсъ: политика не знанія, не равнодушія, а бездѣйствія. — Если разсматривать приближеніе Россіи къ нашимъ границамъ какъ враждебное, то пусть она возьметъ покореніе Афганистана на себя; намъ не слѣдуетъ избавлять ее отъ этой задачи и идти ей на встрѣчу. Но почему не думать, что Россія, приблизясь къ намъ, станетъ добрымъ намъ сосѣдомъ? Намъ выгодно было бы имѣть сосѣда образованнаго, чѣмъ полудикаго хищника.

Искренность этого послѣдняго заявленія, конечно, подлежитъ сомнѣнію. Гораздо доказательнѣе тѣ резоны, которые приведены выше. Они убѣждаютъ насъ, что даже полное покореніе нами Бухары не вызвало бы не только войны съ Англіею, но серьезныхъ угрозъ съ ея стороны. Надо имѣть въ виду, что ей невыгодно приближаться самой къ намъ, сокращать намъ путь. Итакъ, обстоятельства непредвидѣнныя поставили нынѣ среднеазіатскій вопросъ въ такое положеніе, что было бы несерьезно увѣрять себя, что дальше мы не сдѣлаемъ ни шагу; а предстоящіе намъ непосредственно шаги и заманчивы и едва ли опасны, въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Л. А.—въ.